

АНДРЕЙ Ч.

ЛЮБОВЬ -
ПОЛИЦИЯ
3:0

Андрей Чернышков
Любовь – полиция 3:0

«Алисторус»

2019

УДК 82-94
ББК 84(7)

Чернышков А. В.

Любовь – полиция 3:0 / А. В. Чернышков — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907255-32-6

Повесть об удивительной девушке, которая по настоятельным просьбам своего друга устраивает ему всяческие испытания. Настоящие испытания – это не только когда герой преодолевает лишения и трудности, а когда и сама роль его меняется на противоположную. Сегодня ты герой, завтра тебя считают злодеем – есть от чего прийти в отчаяние. Но и отчаяние – не точка, а граница познанного мира. За ней новые горизонты и новые открытия. Ещё чуть-чуть, и окажется, что смерти нет. История о том, как не закрывается незакрываемое, а у очередных поставленных точек вырастают хвосты и крылья, переносящие героев на новые уровни отношений. Расстоянию в четыреста вёрст, полиции и судам любви не остановить. Она сама себе закон.

УДК 82-94

ББК 84(7)

ISBN 978-5-907255-32-6

© Чернышков А. В., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Может ли счастье быть хроническим?	6
Почта	10
Галинословие I	13
Молебен о путешественниках	16
Гауптвахта	20
Встреча 30 июня	26
Поезд	31
Моцарт	34
Профессор	37
Встреча 30 июля	39
Семейный суд	44
Август	49
Галинословие II	52
Мефистофель	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Ч.
Любовь – полиция 3:0

Тебе, Галя

© Чернышков А.В. (Андрей Ч.), 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Может ли счастье быть хроническим?

– Что? – переспросила старшая из двух психологов, тридцатитрёхлетнего вида шатенка с каштановой копной волос.

Её доклад о причинах возникновения хронической депрессии и трудностях выхода из неё возымел на слушателей удручающее действие, поэтому вопрос о хроническом счастье показался всем очень уместным, и по залу прокатилась волна одобрительного смеха. Взъерошенный человек попытался обосновать свой вопрос:

– Вы рассказали про то, как внезапная беда приводит к стрессу, он – к повышению уровня кортизола в крови, а этот гормон, в свою очередь, усиливает уныние. У человека опускаются руки, плохое настроение притягивает новые неприятности, и он надолго попадает в замкнутый круг.

– Да, примерно так.

– Раз в природе имеет место быть хроническая депрессия, то можно допустить и обратное.

– Обратное что? – недоумевала докладчица.

Второй психолог, миловидная и не отягощённая житейским опытом девушка с лицом матрёшки, перестала шептаться с дамой с первого ряда и изучающе посмотрела на Шишликова. Взгляд её был полон вопросительного доверия, и взъерошенный человек с воодушевлением принялся рисовать присутствующим и в первую очередь румяной матрёшке доступную близость затаянного благоденствия:

– Обратное действие! Внезапная удача настраивает мозг на выработку гормонов счастья, а они, в свою очередь, создают предпосылки для новых радостных переживаний, которые снова активируют производство эндорфинов, дофамина, серотонина, и человек затягивается в счастье, как в воронку, и не может годами выбраться оттуда.

Шишликов в пылу озарения засучил рукава, и освобождённые по локоть руки выразительными жестами придавали убедительности его предположениям – помогали увлечь всех оставшихся на лекцию прихожан радужными перспективами. Формально Шишликов отвечал старшему психологу, но мысленно предлагал наспех состряпанное счастье простодушным глазам младшей её коллеги, красиво укутанной в светлый шёлковый платок, из-под которого едва проглядывали гладкие золотистые пряди волос. Лекция в этот момент походила на репетицию симфонического оркестра, перешедшего от исполнения грустного адажио к восторженному аллегро, где первая по обаянию скрипка доверчиво смотрела на темпераментного и слегка рассеянного дирижёра. Такой, должно быть, предстала картина подошедшему настоятелю. Он наблюдал за ходом дискуссии и не торопился вмешиваться.

– Откуда нельзя выбраться? – одёрнула восторженного дирижёра старший психолог.

– Из воронки. Счастья.

– К сожалению, хронического счастья нет. В психологии отсутствует принцип зеркальности. И в природе чёрные дыры есть, а про белые ничего неизвестно.

Ответ познавшей жизнь женщины Шишликова не удивил: блеска во взгляде, следов счастья и детскости на её ухоженном лице не наблюдалось. Оно не притягивало, не сияло, излучало усталость.

«Может ли опытный психолог быть счастливым?» – захотелось ему уколоть докладчицу за отрицание своего открытия. Но отец Иоанн заторопился поблагодарить девушек и завершил беседу молитвой «Достойно есть».

Для чего священник организовал лекцию по основам психологии, было непонятно – в церкви отношение к ней скорее отрицательное, а в чём-то и конкурентное. Другое дело, что ищут спасения люди, хлебнувшие горя, и их в приходе хватает. Каяться на исповеди, будучи

счастливым, – задача сложная, а вот в печали исповедь сама льётся из тебя слезами. Пусть в ней больше жалости к себе, чем покаяния, зато слёзы искренние. Шишликов предполагал, что отец Иоанн берёт вверенных ему прихожан от маргинализации, одобрял обращение к медицине, к приятию мира и его достижений. Этим, этой своей современностью настоятель приятно отличался от не успевающих за жизнью радикальных священников. В его трактовке жизнь была не трагедией, не крестным путём, а большим неповторимым праздником. И если раньше Шишликов вместе со многими верующими застревал в ортодоксальном осуждении мира, то последние годы под наносной враждебностью и избранностью ему увиделась собственная напыщенность и ущербность.

Переходя из «зарубежного» прихода в общину «МП», он радикально поменял собственные установки, чем и делился с дежурным по Дому Чайковского Александром:

«Как можно бороться с миром, если я его толком не знаю? Так я сам уподоблюсь раковой клетке! Ждущие конца света – враги человечества. Ждать конца света ради подтверждения своей правоты – это желать миру скорой гибели. У раковой клетки та же задача, и любому организму необходимо от неё защищаться. Не любишь мир – будешь исторгнут из него. Не любишь жизнь – будешь исторгнут из неё!»

Дом Чайковского – четырёхэтажный приходской дом с гостиницей, художественной мастерской, библиотекой, офисами под аренду, концертным залом и рестораном. Санузел был общим, и из-за этого закрывался приходской дом только после ухода последнего посетителя ресторана. С семи вечера до полуночи было организовано дежурство, задачей которого был контроль за входящими и выходящими в здание людьми.

К тому моменту Шишликов уже выкарабкался из неожиданно глубокой ямы безнадёжья, в которой оказался после второй неудавшейся попытки семейной жизни. Десять лет активного воцерковления никак не уберегли его от развода. Даже усугубили и ускорили его. Фиаско было настолько очевидным, что потребовались смена церковного прихода, епископата и год на поиск новой планеты под ногами. «Лучше быть впроголодь, чем сытым!» – вынес он странное заключение из брака. И вот впервые после развода он ожил: впервые любовался молодой барышней, впервые уловил её приятное внимание.

Шишликов совсем не ориентировался в чужих возрастах, не учитывал их и сам был совершенно неопределённого возраста. Это доставляло всякие неудобства. С теми же женщинами: ровесницы в его глазах тянули на роль поучающих тёток, а юных барышень пугала возрастная разница. И только дети совершенно проникались к нему доверием и считали за своего. Их внимание и внимание молодых матрёшек постепенно становилось единственным, чем он по-настоящему дорожил. Чистые создания были ориентирами в поисках обещанного Небесного Царства, где, как он полагал, все жители были красивы.

Внимание с каких-то пор стало предметом его любопытства. Если раньше Шишликов не уделял ему особого значения, не разглядывал пристально его свойств и качеств, то теперь это понятие выходило на один из первых планов его интересов. Он не помнил, с чего всё началось и кто обратил его внимание на этот предмет, но внимание с каждым днём всё больше и больше открывалось ему с новых сторон.

Если существование души и вечности можно было поставить под сомнение, став материалистом, а существование мира – став буддистом, то существование внимания не отрицалось никем. Наличие его у живого человека было налицо. На лице. В глазах.

– Если мира без наблюдения его человеком нет, а наблюдение – это прежде всего внимание, – бродил Шишликов по мозаике в фойе приходского дома, как по лабиринтам логики, – то в начале было внимание, и внимание было у Бога, и внимание было Бог! Не могло же слово быть без внимания?

Александр уклончиво угукал, то ли соглашаясь, то ли игнорируя мудрствования собеседника. Шишликов продолжал:

– Да не отлучит меня от церкви настоятель, но внимание было прежде слова. Это другая фаза – до сотворения мира. А произносимое слово сотворяло мир – следующая фаза! Возможно, поэтому буддисты, сосредоточиваясь на внимании, проваливаются сквозь всё, созданное словом, и оказываются в пустоте, а христиане всегда остаются в созданном словом мире.

– Может, чая попьём? – скучающе менял тему Александр.

Они переходили из фойе в ресторан и усаживались за ближайшим к стеклянному выходу столиком.

– В житейском плане необходимость в чужом внимании двигает человеком и обществом. Внимание – главная ценность мира. Ты слушаешь? Посмотри на вездесущую рекламу – дело вовсе не в приобретении статуса и материальных благ, как бы навязчиво ни преподносилось это изобилующими ценниками, а в самой сосредоточенности человека на навязываемом предмете. Без наблюдателя этот предмет исчезнет как явление. Материальные привилегии – это одновременно следствие, ширма и признак добытого внимания. Всё в мире тем или иным способом требует к себе именно его. Наташа Ростова, теория относительности...

– Нефертити! – посмеялся Александр.

– Нефертити, Антарктида, космос, парады меньшинств, Толстой, Романовы, Эдвард Мунк, Моцарт, Украина, утконос! Все тянут одеяло внимания на себя: прочти обо мне, послушай меня, посмотри на меня.

– Утконосу внимание человеческое боком обходится! – замечал Александр.

– Что? Хорошо, утконос – особый случай. И я не исключение, – не останавливался Шишликов, – мне самому требуется от мира внимание. Но, как и утконосу, не абы какое.

Александр звенел длинной чайной ложкой о стенки крупного трёхсотграммового стакана, растворяя сахар.

– Без внимания полиции, вирусов, некрасавиц можно и обойтись – такого рода внимание не даёт, а отнимает силы и усиливает тяжесть и неуверенность. Такого рода внимание вынуждает в ответ уделять своё собственное, тратить его на то, что не хочешь. Такое внимание похоже на крюк, за который тебя то и дело вытягивают из полноводной реки жизни на берег. И хорошо ещё, если после крюка можно быстро восстановиться – отряхнуться и лететь дальше. А то ведь и крылья подрежут, и печать поставят, и вот ты уже неволен в собственном внимании – дань тому, дань сему. А вот лёгкое внимание красивых глаз, благожелательная улыбка в мгновение ока открывают новые жизнеутверждающие ресурсы, запускают по капиллярам радостные сигналы всем клеткам: «Жизнь! Жизнь! Жизнь!»

Александр поперхнулся и, придя в себя, заключил:

– Без внимания глотнул!

Шишликов не жалел собеседника и, развивая тему, дошёл до того, что внимание само определяет картину окружающего мира. Чем больше он делился этим с Александром, тем трудней было тому думать и отвечать.

– Не могу представить, что когда-либо где-либо было иначе: внимание определяло мир всегда – в этом нет никаких сомнений. Выходит, что внимание абсолютно вне времени. Более того, время, как и пространство, тоже следствие и продукт внимания.

У него захватывало дух от перспективы освободиться от времени. Достаточно было найти проводника, мастера. Но было и страшно. Страшно из-за таких открытий навсегда остаться одному и лишиться любви. Внимание и любовь разделялись в его представлении огромной

пропастью. Логически это не объяснялось, скорее наоборот: логика требовала, чтобы внимание было первично по отношению к любви. Что любовь – вид внимания. Только ему чувствовалось, что внимание и любовь неродственны. Время и внимание родственны, явления и внимание родственны, а любовь оставалась самой собой, неприкаянной. То ли любовь не явление, то ли не было во внимании лёгкости и крыльев. Была какая-то едва скрываемая корысть.

Внимание он приравнивал к источнику существования. Но существования биологического, дарвинского, фрейдовского, что лишало видимый мир сакральности. Он не мог допустить, что всё вокруг – разные формы, борющиеся между собой за внимание, как птенцы, кланчащие у сороки принесённую ей пищу. Дети одного семени становятся конкурентами. Что-то в этом было неправильно. Но неправильность нужно было искать в собственных умозаключениях, а не в данной ему действительности.

Через полгода после открытия воронки хронического счастья Шишликов встретит Галю, о чём в попытках сохранить отношения напишет повесть. Повесть не о Гале, а самой Гале, потому как из всех местоимений к настоящему применимо одно только «Ты». Ты – настоящее, ты – диалог. Местоимение же «Она» предполагает личное отсутствие человека в данный момент, что для Шишликова было недопустимо. Книга была лишь средством для продолжения диалога. Таким же, как телефон, почта и личные встречи.

И если Шишликов не мог позволить себе говорить о Гале в третьем лице, то теперь сам становится третьим лицом, и таким образом облегчает задачу поведать миру, что было дальше.

А дальше было то, что Шишликов брёл из храма домой, и вокруг медленно сменялись перекрёстки и дома. Некоторые с лепниной, орнаментами, изящными балконами. Часто напротив приятного вида дома стоял дом, по красоте своей совершенно ему неравный. И очень быстро Шишликова захватила очередная головоломка: «В каком доме хочешь жить? В красивом и видеть посредственный или в посредственном, а видеть красивый?»

Решение пришло, когда дома он заменил телами: Шишликова устраивало оставаться собой и видеть Галю, но он совсем отвергал перспективу быть Галей и видеть себя. Не то, чтобы он был страшен или некрасив, просто она ему была куда интересней. Выходило, что и стать богом – лишиться Его. Стать богом – ловушка.

Почта

С тех пор, как Галя уехала в Койск, Шишликов полюбил почту: не письма в почтовом ящике, которые в основном были официальной бумагой, а саму службу уже почти архаической связи. То, что принять из его рук Галине не позволяла гордость, из рук почтальона её гордыню никак не задевало. Сам вид почтовых отделений Шишликова настраивал на новые шаги и мотивировал действовать. Отправление писем и посылок становились прокладыванием рельс за горизонт – в прекрасное завтра.

В один из походов в ближайшее отделение связи он завис в музыкальном облаке – на весь квартал, вымощенный брусчаткой, звучало мексиканское «бесаме мучо». Знойные минорные завывания походили на скрытый плач теряющей юность женщины, ещё целуемой, но уже нелюбимой. Страдания так контрастировали со светлым будущим, что Шишликов тут же разлюбил эту песню – в ней не было надежд, и пребывать в этой пусть и красивой мелодии стало невыносимо. Словно поняв его настроение, музыка тут же сменилась более бодрыми аккордами, в которых он узнал песню о загадочной барышне, которую хочет украсть не менее загадочный кавалер, над которыми навис ещё более загадочный шар. Оглянувшись, он увидел широкую улыбку уличного баяниста, адресованную лично ему.

– Терентий?

– Ну что, Ромео, кому письма носишь? – фоном вопроса он заиграл «Вологду».

– Зазнобе одной.

Терентий был из тех странных людей, которые, выходя в тапках на пару минут из квартиры – за спичками ли, вынести ли мусор, – пропадали с концами. Кто-то исчезал навсегда, кто-то через пару лет как ни в чём не бывало появлялся на пороге, ошарашивая детей, жену, нового её мужа. Не вписывающиеся ни в какие социальные рамки поступки будоражили Шишликова, а неординарность их притягивала его к подобным Одиссеям. Кто-то из них возвращался с сибирских приисков, кто-то из другой семьи, кто-то с войны. Такие люди являли Шишликову пример запредельной свободы. Что-то ускользающее от понимания двигало ими, какой-то мотив присутствовал. Не побег от быта – для побега хватило бы и рыбалки.

Безответственность как другую сторону такой свободы Шишликов не оспаривал, и его волновали обязанности перед теми, кого Одиссеи оставляли дома в неведении и недоумении. «Неужели и так можно?» – удивлялся он, чувствуя, что до такой свободы ему ещё далеко.

Шишликов встречал на своём пути уже четверых таких людей. Главной их чертой было то, что при всех своих недостатках они не прокалывались на мелочах. Не мелочились. И пусть Терентию в футляр от инструмента кидали именно мелочь, жил он совсем другими измерениями. Более всего он походил на скрытого за выгоревшей на солнце одеждой титана. Инквизиция его не трогала, стражи порядка не замечали, и Шишликов не понимал, как можно пройти мимо ясного и пронзительного взгляда, которым обладал Терентий, и не очутиться в античности.

Дикий оливковый сад под вечерним солнцем, белые козы, и возле ручья Одиссей в залапанной хламиде. Возле него арфа, которую он время от времени тербит в попытках найти причину довлеющей тоски. Взгляд его направлен в сторону сползающего за горизонт солнца: интуитивно он чувствует, что там сокрытая большим расстоянием Итака. Но он не помнит, зачем ему туда нужно. Сладкий морок лишил его памяти, но не разорвал другую невидимую связь с украденным настоящим.

Легенда Терентия была проста: когда-то он отправился с другими музыкантами на поиски удачи в чужую страну. Поход растянулся на двадцать долгих лет. Приятели давно вернулись домой, а Одиссей продолжал слать супруге деньги и скупые обещания вернуться. Дети

давно уже выросли, обзавелись своими семьями, жену называли вдовой, а он всё играл и играл на улицах бесконечную музыку. Не было возле него ни Кирки, ни Калипсо, удерживающих путника своими чарами, не было иных видимых объяснений. Он легко мог привлечь к себе нимф и русым чубом, и ровными рядами белых зубов, и волевым подбородком. И характер у Терентия ровный, мирный. Почему он оставался одиноким странником, было загадкой.

То редко, то часто Шишликов сталкивался с ним на торговых улицах. Иногда проходил мимо, иногда останавливался. В этот раз решил выяснить волнующий с детства вопрос:

– Почему шар голубой крутится над головой? Он же под ногами.

Терентий мягким баритоном обрисовал сцену иначе:

– Воздушный шар запускали, барышня с маменькой у парадной зазевались, а кавалер на извозчике рядом затаился.

– Чтобы украсть?

– Чтобы украсть.

– А барышня знает об этом? Она с ним в сговоре?

– А барышня с кем только не в сговоре. Отвечать всё равно кавалеру!

Шишликову захотелось поделиться с Терентием новостью о том, что им написана повесть. Он горячо размахивал руками в попытках как можно точнее передать уличному музыканту всю неуловимую уникальность пережитого.

– Про любовь?

– Да, про девушку одну удивительную. Как догадался?

– А про что же ещё пишут?

– Ну как? Про войну пишут, про достижение целей. Знаешь, как цели достигаются?

Терентий скорчил гримасу недоумения, но Шишликова такая ирония не остановила:

– Это я в этом году понял. Цель – это ещё та штука! Любая обоснованная цель достижима! Человек намеревается получить доступ к задуманному и тихо или громко об этом заявляет. Его заявления вне зависимости от громкости мир слышит. Его поиски рано или поздно приводят к нужным дверям. Путём проб и ошибок он эти двери одну за одной открывает.

– А если не откроет?

– Каждая дверь открывается в зависимости от серьёзности намерения и усердия. Трудности – только необходимые проверка или условие. Даже ошибки не случайны, и силы, на них потраченные, тоже необходимы, они потрачены не впустую. Достижение цели таким образом – дело времени и затраченных сил. Это обычное математическое уравнение, где цель равна времени, помноженному на среднее затраченное усилие. Как-то так: $Z = T \times E$! Концентрация на цели зависит от серьёзности намерения. Помощь извне тоже зависит от собственной мотивации.

– Открыл секрет Полишинеля. Что ты мне азбучные истины втираешь?

– Подожди ты. Цель у человека внутри уже достигнута. Он словно беременный ей. И пока человек не разродился, его никто не тронет. Ему обязательно дадут время и силы на поставленную задачу. Сама цель определяет, сколько и как человек будет жить. Сама цель даёт силы, а не наоборот. Цель – это источник жизни. Источник и цель – это одно! Это я два пару месяцев назад понял. Сама цель делает человека непобедимым.

– Главное, ничего не выдумывай – пиши, что есть. Иначе отвечать придётся.

– Писать грех?

– Сочинять грех. Человеку с настоящим не разобраться, и он ныряет в вымышленную жизнь. И ладно бы сам во всём этом плавал, так он пишет другим о том, чего нет.

– Да я же не об Анне Каренине, не о Дон Кихоте. Галя есть. Она ходит по улицам Койска, исполняет Шуберта, и я вношу в человеческую библиотеку свидетельство о ней. Правду.

Красивую правду – она другой не бывает. Пройдут века, перепишут истории стран и народов, от некоторых не останется и намёка, а правда о Гале у кого-нибудь да сохранится.

– А про Галю всё историческая правда? – спросил Терентий. – Койск – он где? Исказить, преувеличить – это примерить на себя маску. На эту маску начнут притягиваться не соответствующие настоящему тебе события и люди. Если и будут любить, то не тебя, а придуманную тобой маску. Радости от этого мало. Ты введёшь в заблуждение и себя, и других – заживёшь не своей жизнью. А только своя жизнь, поверь мне, красива.

– Я только название местных городов изменил. И имён несколько.

– И будут потом по выдуманным названиям альтернативную географию учить?

Шишликов выдавил из себя «пока» и скрылся в дверях почтового отделения. Попытки внешнего мира вытеснить из его жизни образ девушки, переехавшей прошлой осенью в Койск, воспринимались им болезненно и остро. Скромная студентка консерватории и тогда-то казалась Шишликову мимолётным эфемерным явлением, которое в церковной общине мало кто замечал, а теперь и вовсе превращалась в чистую фантазию. Сетевые сообщения о её музыкальных успехах и молчаливые социальные аккаунты слабо утверждали обратное. Она игнорировала его, закрывалась молчанием и сама призывала океан забвения поскорей снести всю прибрежную память о ней. Он боролся с вытеснением её образа новыми ежедневными событиями и как мог оправдывал свои письма Гале. Писал он их исключительно из потребности сохранять ту связь, которую она всячески пыталась обрубить и отринуть. Связь с Галей была и без слов – она и без писем была ключевой основой реальности. Он лишь проявлял её в удобные для скромной девушки формы, чтобы она, наконец, разглядела и признала её. Разве с Богом не так? Разве исповедование веры и пение молитв не то же самое? Признай Галя эту связь сразу, прими её за явность, и не было бы никаких писем и слов. Они бы стали излишни, как уже услышанный молитвенный призыв. А теперь он был вынужден изобретать всё новые и новые приемлемые формы соприкосновения с ней. Одной из таких форм становилась новая наука.

Галинословие I

– Предметом изучения сей науки являешься ты. Ты – это та, к которой обращаешься и которая в силу разных обстоятельств меня не слышит, не видит, не хочет знать, отрицает. – Ну какое ещё галинословие? Для чего? Сколько уже наштамповано логий и софий? Не надо захламлять мир! – возмутишься ты.

– Вот столкнёшься с подобным опытом – с опытом отрицания своего присутствия в жизни самой этой жизнью, самым главным воплощением этой жизни, то обязательно поймёшь, что познание любимого человека, зазнобы с глазами Бога (а кто ещё может смотреть любимыми глазами?) становится экзистенциально важным – вопросом жизни и смерти. Хотя кому я это рассказываю!

– Мне?

– Это потом, когда человека отпустит, когда связь с любимым уйдёт на второй план, и человек падёт до роли муравья в муравейнике, тогда галинословие покажется блажью, прихотью распоясавшегося галинослова. А спроси ты влюблённого в тебя прямо сейчас...

– Почему тогда «галинословие», а не «тебясофия»? Речь же не конкретно обо мне?

– Конкретно, Галя.

– Не в имени же дело!

– Согласен, ты гораздо просторнее и величественней, чем имя, и, чтобы даже только приблизиться к тайне твоего явления, имени недостаточно.

– Меняем название новой науки?

– Нет! Прости. Я вполне допускаю, что можно любить Марию, Александру, Катю, и тебе сносней универсальная и абстрактная тебясофия. Но...

– Мария, Александра, Катя?

– В галинословии, в отличие от других наук, нет обобщений, анализа, синтеза, критики, логики! Всё это малопригодно в приближении к тебе. Ты, во-первых, единственна, во-вторых, непредсказуема и перманентно нова. И ты не потерпишь обобщений и экспериментов над собой. Ты настолько индивидуальна и неповторима, что любая систематизация становится препятствием и лишь отдалит меня от тебя.

– Мария, Александра, Катя?

– Галя! Всё галинословие – обращение к тебе. Тебясофия не личностна и не требует конкретного имени. Тебясофия как теософия – насмешка над Богом. Разве не так? Я знаю лишь, что не галинословие – ответвление от тебясофии, а тебясофия – одно из направлений галинословия.

– А мне зачем галинословие? Зачем мне приближаться к самой себе?

– А ты кого безответно любишь?

– Да так, дурака одного! Надеюсь, ты не конкретизируешь свою псевдонауку до отчества и фамилии?

– Отчество, фамилию, звезду, под которой ты родилась, я не трону. Наука сия не может зависеть от внешних факторов. Она лишь учитывает их, но в основе познания тебя лежит исключительно радость жизни. Она как индикатор, как стрелка компаса будет указывать на именно те двери, направления и стези, которые приведут к тебе. А всё, что мрачно, туманно и сложно, уводит от тебя, как Иван Сусанин, в трясину.

– А Сусанин-то в галинословии с какого боку?

– Да не в нём дело: жадность, ложь, гордыня собьют с пути любого. И даже если этот любой каким-то ушлым способом приблизится к тебе, приблизится не до конца искренне и честно, то он не сможет ни коснуться тебя, ни удержать тебя рядом – близость окажется самообманом. Вместо любимых глаз нечестивый всегда увидит прощальную улыбку Сусанина.

– Кто у тебя ещё из доверенных лиц?

– Путь к тебе я бы сравнил с суворовским восторгом, если бы великий полководец под конец карьеры не пленил Емельяна Пугачёва по повелению иноземки. Путь к тебе – восторг, но не совсем суворовский. И на пути к тебе не поможет ни русскость, ни какие-либо авторитеты, ни попы, ни цыганки, ни коты, ни рыбки. Хотя они и будут попадаться по дороге к твоему доверию. Доверие твоё – это двери, вводящие в Царство Небесное, в жизнь вечную, в град Китеж, Иерусалим. Доверие твоё сакрально. И всё галинословие – поиск этих невидимых ворот, над которыми надёжней любого стражника сияют твои глаза.

* * *

Повествование Шишликова о Гале оборвалось второго июня, когда в фойе провинциального концертного зала она надменно поворачивалась к нему спиной, пряча лицо и глаза после концерта. Весь месяц с того дня он правил рукопись и подыскивал в сети подходящее для лирики издательство.

Иногда работа над книгой истощала его до безудержной потребности поговорить с кем-то. Он выбегал из дому, мчался то к Дому Чайковского, то к Варваре, живущей в старинном квартале города, и проводил с ними время.

Если Александр радовался почти любому собеседнику, с которым можно скоротать часы монотонного дежурства, то с Варварой было сложнее: Шишликов смотрел на неё без подобающего внимания. Ему требовалось её внимание, но без взаимности. Отсутствие внимания к ней он прятал под приглашениями в кафе и лёгкими ухаживаниями. С Кристиной и Лалибелой складывалась такая же история: Шишликов был истощён изложением исторического эпоса и ничего, кроме прогулок и бесед за столиком в обмен на их внимание, не мог предложить. Они и не претендовали на большее, но совсем без внимания девушкам тоже нельзя. Ему было важно, что они говорят, и он прислушивался к их словам, но совсем не интересовался их делами. Например, он не мог допустить, что они героини своих собственных повестей и романов, и определял им вторые роли в своём. В общем-то, люди всегда только этим и занимаются: распределяют вторые роли. А первые занимаются помимо их воли – сами собой.

Разослав рукопись в четыре издательства, он стал готовиться к поездке домой. За неделю до самолёта обнаружил анонс нового Галиного концерта в местной столице и перенёс запланированный полёт в столичный аэропорт. Последние три месяца в его городе шла подготовка к крупному саммиту, и полдороги к храму патрулировала полиция. Основные политические мероприятия организовывались в выставочных залах буквально в пятистах шагах от церкви. Ежедневно пересекая ограждения, Шишликов размышлял, влияет близость подобных событий на судьбу его отношений или нет. На случай, если президенты и канцлеры решат прогуляться по площади Чайковского, он баллончиком белой краски начертил возле храма три формулы «Г+А=Л Я».

Прогулку сильных мира сего Шишликов представлял себе как Ялтинскую конференцию: смотрящий по кличке «Козырь», следуя своему задиристому характеру, решит потешиться над смотрящим по прозвищу «Кормчий». Он вскользь напомнит сопернику, чьи стрелы здесь базируются. На что Кормчий ответит:

– Это же прошлый век – шестой уровень управления!

– Какой уровень?

– Шестой, Дональд, шестой! Самый примитивный и ненадёжный!

Затем поднимет указательный палец в сторону золотых православных крестов:

– А у нас тут храмы! Второй уровень! Сечёшь?

Козырь, не зная, чем крыть и что сечь, вместе с переводчиком потупит взгляд долу. Но Кормчий не пожалеет загнанного зверя – он обратит внимание белобрысого Козыря на очень кстати подвернувшееся граффити и выразительно прочтёт по слогам:

– Г + А = ЛЯ.

– G + A = LYA?

– Имя такое! Как Катюша!

– Как Katyusha? A plus?

– А плюс – высший уровень управления!

Козырь стушуетя и поникнет. Переводчик будет уволен. Шпионы получают задание найти новейшее загадочное оружие. Кормчий победоносно вернётся в Москву с идеей: «А не наградить ли тамошнего настоятеля за заслуги перед отечеством?» И оба смотрящих на разных полушариях планеты будут гадать: «Кто же такая Галя?»

«Царевна моя!» – вздохнул Шишликов, оценивая свою работу и пакуя аэрозольный баллончик с краской в бумажный пакет.

Молебен о путешественниках

Помимо отдельных молитв на все случаи жизни, у христиан в ходу ещё и целые молебны – краткие просительные или благодарственные богослужения. Они состояются из общих молитв, чтения Евангелия и обращений к определённым святым. О даровании дождя во время засухи обращаются к Илье Пророку, при падеже скота – к священномученику Власию, при жатве молятся перед иконой «Спорительница хлебов». Молебны можно совершать и без священника, но с ним всё обретает особое торжество. Особенно это ощущается на водосвятных молебнах, когда сквозь душный июньский воздух в лицо летят брызги живительной влаги.

Не было ничего желаннее и вкуснее воды – это он помнил с самого детства. Приходя с соседнего стадиона домой, он первым делом закрывался в ванной, включал кран и, едва дождавшись, когда потечёт самая холодная, жадно припадал губами к ледяной струе. За стеной на кухне отец обсуждает с матерью путёвку в Анапу, в большой комнате голос Капицы из «Очевидного-невероятного», а в белую раковину стекает по щекам живительная влага. Разбитые колени, пропитанные пылью гетры и кеды ждут своей порции воды. А зимой мокрые шерстяные носки и обледеневшие ритузы, которые при желании можно сломать, – всё нуждалось в самой простой на свете субстанции.

Так же и в деревне после похода с тяпками на колхозное поле или за кукурузой в знойный полдень мчишься с братом наперегонки в прохладные сени к стальным вёдрам с колодезной водой. Черпаешь одну, вторую, третью кружку яркого сверкающего вещества и ничего – абсолютно ничего – больше не хочешь.

Утоление жажды – самое большое наслаждение в жизни. А утолять её можно до бесконечности – вон её сколько – воды! Колодцы, колонки, родники.

Молебен о путешественниках самый распространённый после благодарственного и молебна о здравии. Для Шишликова он давно стал непременным началом любой дальней поездки. В приходе блаженного Прокопия его можно было заказать заранее, а в общине Иоанна Кронштадтского принято было указывать имя путешественника в записке на еженедельном акафисте. Записанные имена читались перед образом Святителя Николая, и это придавало уверенности в богоугодности затеянного дела и в благополучии путешествия.

Услышав несколько раз своё и Галино имя, произносимые попом в прошении небесного покровительства, Шишликов удовлетворенно остался на беседу, а после неё подошёл к настоятелю. В руках он держал окончательную версию своих воспоминаний о Гале в виде ёмкой рукописи с портретом на титульном листе.

– Я это читать не буду! – твёрдо произнёс отец Иоанн в ответ на протянутую ему увесистую кипу бумаги.

– Я не для этого, я только показать, что она готова, что обложка красивая.

– Если тебе нечем заняться, то подожди минутку! – священник тихим шагом направился к северным вратам алтаря.

Шишликов стоял посреди храма, оглядывался на покидающих его прихожан и испытывал чувство дежавю. Что-то подобное с ним уже происходило.

Тогда ему было столько же, сколько Гале, и он был влюблён в одну местную художницу. Её звали Элен, и она совершенно не говорила по-русски.

В первые дни знакомства, когда всё очень хрупко и зыбко, он нарисовал девушке открытку: сидящего чёрного человечка. Человечек выглядел поникшим: что-то довлело над ним, и к образу прилагался текст на почти неизвестном языке – языке кирибати.

Имелся у Шишликова один приятель, побывавший на всех континентах и взявший себе в жёны островитянку. Приятель резко выделялся среди однокурсников прямоотой и грубоватостью, что не прибавляло ему симпатий. Он часто и со всеми ссорился, и доверие к его рассказам было почти нулевым. И тем не менее Шишликов слушал его с большим интересом. Приятель рассказывал, что ему на свадьбу подарили остров в Тихом океане. Таких маленьких с пальмами островов в архипелаге Южного полушария была уйма, жить на них невозможно, но в качестве свадебного подарка это было грандиозно. Шишликов долго приятелю не верил – уж слишком неправдоподобно звучали его рассказы про три метра над уровнем моря, про государство с единственным консульством в мире, находящимся именно в их городе, про одиночные заплывы на лодке в такие дали, где кругом только синева воды и неба. Про молодую жену, оставшуюся там. Про невыносимую тоску вдаль от земли. И вот однажды, к глубокому восхищению Шишликова, приятель накопил денег и привёз-таки с далёких островов свою супругу. Милая и совершенно дикая девушка словно сошла с полотен Гогена. У смуглой улыбчивой микронезийки было два имени, две формы одежды и два языка. Имя латинизированное и родное: Моника и Такауэ. Одежда цивилизованная и национальная. Язык интернациональный и островной.

Моника упрямо не понимала, что от неё хотят. Приятель Шишликова долго объяснял жене, что и как нужно написать, а Шишликову, что на кирибати нет времён, кроме настоящего. После жаркой дискуссии Такауэ наказывала Шишликову на открытке три загадочные фразы на своём языке.

Эллен целый вечер расспрашивала, что обозначает открытка, он отшучивался, что это древняя островная легенда про одну пару, а на следующий день и вовсе изложил её на бумаге. Как подобает романтической истории, легенда вышла грустной.

С этой легендой, умещавшейся на одной странице печатного листа, он носился по переводчикам и друзьям. И, когда однажды художник Рома позвал его на помощь в рытье канавы на территории зарубежного прихода, в грудном кармане у Шишликова пылала и жгла ткань первая проба пера, рвущаяся наружу. Когда они с Романом и ещё двумя мужиками заканчивали работу и стояли по пояс в земле, к краю ямы подошёл маленький круглолицый священнослужитель.

Шишликов впервые видел вблизи человека в рясе, и ему захотелось как-то заявить о себе. Из ещё неглубокой могилки он протянул священнику своё бессмертное творение.

Остров тонул в зелени некошеных лугов и синеве бездонного тропического неба. К западу обрывался, позволяя лазурным волнам океана рыдать у подножия Белой Скалы. Каждый вечер на обрыве сидели двое: Он и Она. Он держал в своей ладони руку Она и говорил. Говорил Он о разном: о звёздах, о море, о том, куда уходит солнце, когда облака становятся розовыми. Она смотрела вдаль и слушала. Дни проходили за днями, луна худела и поправлялась, сезонные ветры меняли своё направление, но каждый раз на закате на вершине скалы вырисовывались две фигурки: мужчины и женщины.

В одно утро на той стороне, где солнце начинало своей ежедневный путь, Он разглядел странное облако, перепутавшее небо с отражением в волнах и плывущее по воде. По мере приближения облако становилось ещё странней, и когда поравнялось с островом, остановилось. От облака отделилась лодка, в которой гребли несколько полосатых людей, а посреди стоял один в белом одеянии. «Ко мне в гости пожаловал сам Господь», – мелькнуло в голове у Она. «Она, Она, посмотри, Бог спустился к нам с неба», – поспешил Он обрадовать Она.

Полдень. Он принимал в своей хижине Господа и полосатых ангелов-слуг. Она подавала к столу сочные плоды агаисовых деревьев на широких и плотных листьях кои, и слушала, что пришёл сказать Господь.

Господь сказал имя: «Я».

Ещё сказал, что плывёт туда, куда уходит на закате солнце, и что там хорошо. Ангелы смеялись. Я достал прозрачный сосуд с красной водой и налил оттуда в глиняную чашу Ону. «Пей». Он испил из чаши до дна. Внутри Она всё заиграло, и Он почувствовал прилив доселе незнакомых волн. И Я сказал: «Пей». И Он выпил вторую чашу божественного напитка. Мир поплыл. Взгляд Она задержался на мгновение на Оне, растерянной и недоумённо-улыбающейся, и полетел дальше – в неведомые дали.

– Она, пойдём туда, куда уходит солнце! – сказал Я.

– Да будет воля твоя, Я! – Она поцеловала засыпающего Она: – Жди Ону, Она посмотрит, куда уходит солнце, и будет говорить, а Он будет смотреть вдаль и слушать.

Вечером у Она болела голова. А потом, когда, оббегав весь остров в поисках Оны, Он никого не нашёл: ни Бога, ни любимой, – Он поднялся на белую скалу и увидел в лучах заходящего солнца уходящее за край странное облако.

Это был первый вечер без Оны.

Через несколько дней Он нацарапал три строчки на куске белой мягкой коры агаисового дерева и нарисовал сидящего человечка. Он скрутил это в тоненькую трубку и просунул в горлышко прозрачного сосуда, где когда-то хранился божественный напиток. Отверстие сосуда Он закупорил густой смолой агаисового дерева. Вечером, провожая солнце, Он бросил сосуд в волны.

Дни проходили за днями, луна худела и поправлялась, сезонные ветры меняли своё направление, но каждый раз на закате на вершине белой скалы вырисовывалась одинокая фигурка человека.

А где-то в безбрежном океане плывёт послание к Оне.

I A KUA N TATANINGAIKO
I NANO KAWAKI
I TANGIRIKO

– Тебе больше заняться нечем? Времени свободного много? – спросил поп.

Улыбка на его лице немного скрасила отповедь.

– Хватает.

Времени у Шишликова всегда было в избытке. Хоть и меньше, чем у островитянки и её земляков, заходящих изредка в порт на больших контейнеровозах, – те уж совсем никогда никуда не торопились и разрушали все накопленные Шишликовым представления о времени. Зато в сравнении с коллегами, приятелями и второй женой, у которой недели были распланы по часам, он успевал всё без спешки, и времени при этом оставалось с запасом. О дефиците времени он даже никогда не думал.

– Время нужно на спасение тратить! – нарушил священник затянувшееся молчание и скрылся в приходском доме.

Смущённые землекопы один за другим похлопали Шишликова по плечу:

– Тут он не прав! Не обращай внимания. Пиши!

Шишликов не помнил, задела ли его тогда поповская колкость, но теперь при повторной критике напрашивался логический вывод, что начинающие писатели совсем не в милости у хранителей Святого Писания. Иметь у себя в общине непредсказуемого летописца – для любого настоятеля прихода лишняя головная боль. И если в первом случае опасения священника полностью оправдались, то и в отношениях Шишликова с отцом Иоанном возникла трещина недоверия.

Вскоре из северных врат алтаря явился отец Иоанн со вскрытым почтовым конвертом:

– Раз ты так любишь писать, вот тебе задание: будешь переписываться с заключённым.

Шишликов растерянно принял письмо из оренбургской колонии:

– Хорошо!

Отец Иоанн объяснил:

– У меня нет времени отвечать – вот ты и займись полезным делом, если готов к послушанию. А повести не надо.

Два дня Шишликов не прикасался к письму – как бросил на угол стола, так и обходил стороной. Что в нём могло быть, кроме тоски, и зачем оно вообще кому-нибудь нужно? Письмо из тюрьмы – мира, совсем не соприкасающегося с миром Гали. Противоположное от счастья направление. Наконец, Шишликов заставил себя прочесть грусть чужого и незнакомого ему Александра, осуждённого восемнадцать лет назад на пожизненное заключение. Упование на Господа, осознание вины и желание узника общаться вызывали негодование и ропот. «Я-то тут при чём? Мне-то это зачем?» – ответ Шишликов выжимал из себя, как воду из сухой рубахи. Выдавливал растерянно, давая глупые советы и ободрения. Под конец, уже охваченный злобой на противную природе человека несвободу, он писал грубо, жёстко, не жалея арестанта.

Гауптвахта

Ему вспомнились сутки, проведённые самим в камере гарнизонной гауптвахты. Шишликов был влюблён тогда в шестнадцатилетнюю местную девушку, хорошо говорившую по-русски. Будучи сержантом-сверхсрочником, он заступал в суточный наряд по парку и шёл вдоль шоссе в расположение воинской части. В полном обмундировании с португеей через плечо, кобурой и начищенными до блеска хромовыми сапогами – ничем, кроме погон, он не отличался от офицера. Только две скромные жёлтые лычки на плечах сдерживали его браваду, но и они не мешали ему держать осанку, подчёркивать выправку и задирать подбородок перед городскими девушками, а если выпадало счастливое поручение забрать солдат из гарнизонного госпиталя, то и перед русскими медсёстрами. Дурак был Чацкий и либерал, а мундир во всех отношениях человека красит и благородит.

Шишликов служил в отдельном батальоне связи, расположенном на территории танкового полка. Гарнизон был огромный, и идти из дома до казармы было прилично – версты две. До части было два пути: по территории полка, где то и дело нужно отдавать честь старшим офицерам, и по шоссе на самую окраину провинциального города.

Нужно было успеть на инструктаж, получить оружие, двух дневальных и сменить на посту прапорщика из второй роты. Когда до контрольно-пропускного пункта оставалась сотня шагов, Шишликова резко одёрнул возмущённый голос:

– Стоять. Кругом. Почему не отдали честь, товарищ младший сержант?

– Что? – не понял, для кого нужно было прикладывать правую ладонь к козырьку фуражки, рассерженный Шишликов.

Перед ним стояли взрослая блондинка в гражданке, работающая в штабе стенографисткой, и зелёный уазик с номерами комендатуры. В открытую дверь из уазика несло гневное:

– Сержант, честь не положено отдавать старшим?

– Так вы же в машине. Я и звания вашего не заметил! – оправдался Шишликов.

– Ты ещё пререкайся вздумал? Почему с сумкой?

– Что? – туго соображал Шишликов: – В наряд заступаю по КТП.

– Почему с сумкой, спрашиваю, военный?

Сумка была дерматиновая, защитного бурого цвета, которая подходила под характеристику ручной клади, буквально на днях одобренной командованием для ношения офицерским, прапорщицким и сержантским составами.

– А с чем мне ходить?

– Военному положено ходить с дипломатом! – рычал комендант.

Женщина из строевой части неожиданно попыталась заступиться за рассеянного сержанта:

– Это Шишликов из нашей части. Он всегда такой. Отпустили бы его, а?

Сержанту польстило такое благорасположение, но женское заступничество ни к чему не привело и даже раззадорило лысого полковника. После заявления сверхсрочника, что у него нет лишних средств на дипломат, тот заревел:

– На губу тебя на сутки за пререkanie. Быстро в машину!

– А наряд? – спрашивал Шишликов, садясь в уазик.

– Молчать!

Так младший сержант Шишликов впервые оказался в одиночной камере. Утверждать, что он об этом даже немного мечтал, было бы глупо, но недалеко от правды. На КПП дежурили связисты, и он успел крикнуть знакомым солдатам, чтобы сообщили в батальон о его участии.

«Хорошо хоть не с солдатами!» – удовлетворённо подумал Шишликов, осматривая каменную полуподвальную комнату с решетчатой дверью. В маленькое окошко проникал свет и густым пыльным лучом падал на прикованные к стене деревянные нары. Серое унылое место. Двойное чувство переполняло грудь. Одно – удовлетворение от исполненной мечты: за два года срочной службы Шишликову при всех его залётах так и не довелось загреметь на гауптвахту. Может, оно и к лучшему – «губа» располагалась в том же корпусе, что и батальон, и солдатом через колючую проволоку он часто видел издевательскую муштру заключённых. Но тюрьма не только издевательство – тюрьма в первую очередь воспетая в песнях и стихах романтика. Второе чувство – тоска. Щемящая тоска по девушке, с которой он так ещё и не увиделся после отпуска. И месяца не прошло с тех пор, как белокурая девушка с непривычным именем Даниэла провожала его на железнодорожном вокзале. Он стоял в тамбуре, она на перроне. Поезд дальнего следования издал прощальный гудок, и она, неожиданно расплакавшись, пообещала ждать его.

Это было второе прощание с девушкой младшего сержанта за полгода сверхсрочной службы, а до службы его никто из девушек никогда не провожал. Уходя в армию, он был безнадежно влюблён в учительницу младших классов. Звали её Елена Алексеевна, и, конечно, ни при каких обстоятельствах грациозная и величавая женщина не могла осчастливить призывника своим появлением на его проводах.

Первое же его армейское прощание оказалось непредсказуемо трогательным. Переезжала на место новой службы семья прапорщика Салимова. Дочь прапорщика, бойкая и насмешливая восьмиклассница Катя на протяжении месяцев, открывая дверь сержанту, громко уведомляла отца: «Пап, к тебе пионеры пришли!» Это очень задевало Шишликова, гордящегося серой шинелью и фуражкой, так что он собирался поквитаться с дерзкой малолеткой при удобном случае. В вечер же отъезда стало не до того, и обоим эти насмешки предстали вдруг в совсем ином свете. Они целый вечер не отходили друг от друга, перетаскивая коробки и чемоданы, случайно касались пальцами рук и молчали. Катя отказалась от места в кабине грузовика и под удивлённые улыбки родителей села рядом с ним в кузове машины. Полупустой вечерний вокзал обострил чувство расставания. Короткое знакомство на грани своего завершения переросло во что-то близкое, и в тамбуре, когда Шишликов со словами «Ну, до свидания, пионерка!» потянулся к её щеке, Катя отчаянно подставила ему приоткрытые губы. Прикосновение обожгло, к лицу прилила кровь. Катя тоже покрылась краской. Зрачки её расширились, заблестели, и «пионерка» убежала в купе. Салимов протянул растерянному сержанту руку.

Странное место – перрон.

Закончилась осень, пробежала зима, и все помыслы Шишликова заняла местная девушка Даниэла. В первый же вечер по приезде из отпуска сержант прибежал к её отдельно стоящему дому, спрятанному за соснами в паре сотен метров от ГДО – городского дома офицеров. Он привычно кидал камушки в окно второго этажа, боясь разбудить родителей, но окна её комнаты на протяжении следующих дней оставались темны. Только потом он узнал, что первая в его жизни настоящая подруга вместе с классом улетела на берега Адриатического моря.

Шишликов часами ходил по камере от серой стены до серой стены и выл как волк. Переполювавшие его силы некуда было выплеснуть. В мрачном каменном мешке было тесно. Только он садился на прикованную к стене деревянную панель, как тут же вскакивал от избытка энергии. Казалось, что камера куда меньше, чем он сам, что он застрял, как Винни-Пух в кроличьей норе, что его завернули в ковёр, как «Доцента». А ему нужно теперь нестись, мчаться к Адриатическому морю. Лишать человека свободы в момент, когда у него есть девушка, –

верх преступления. Неудивительно, что у свободолюбивых индейцев смертельная аллергия на тюрьмы – им, как казакам, нужны лошади и степь.

К ночи в коридоре появился охранник в сопровождении вольнонаёмного хача по кличке «Красавчик». Ходили разговоры, что место начальника гауптвахты было закреплено за одним кавказским кланом. Шишликов такой ерунде не верил, но теперь убеждался в верности слухов – горец без воинского звания расхаживал по тюрьме, как у себя дома. Ещё более странным был сам визит его к Шишликову и просьба, с которой он пришёл. Горец мягким глухим голосом просил ключи от комнаты и квартиры, которую Шишликов делил на троих со старлеем и прапором из соседнего разведывательного батальона. Комната досталась Шишликову в знак дружбы от уволившегося в запас прапорщика Шагумова. Если кого и можно было назвать красавцем среди гарнизонных кавказцев, то именно обаятельного и весёлого Сергея Шагумова, а не его смазливый земляк. Сергей был обрусевшим настолько, что Шишликов за два года срочной службы даже не догадывался, что прапорщик первого взвода родом с Северного Кавказа.

Променяв дембель на сверхсрочку и окунувшись в быт военных городков – в первую настоящую самостоятельную взрослую жизнь, которая тоже оказалась несерьёзной, – Шишликов обзавёлся бесчисленными друзьями и знакомыми, среди которых благодаря Шагумову оказались и кавказцы. Держались они особняком, и особого желания общаться с полукриминальной группировкой у него не было.

Одна группа кавказцев часто кучковалась возле жёлтой двухэтажки, паркуя на обочине дороги свои подержанные авто. Кто-то из них жил там, они собирались у подъезда, и однажды до проходящего мимо Шишликова докопался один из джигитов в лейтенантских погонах:

– Эй, а честь старшему отдавать не надо?

По уставу хач был прав, но отдавать себе честь ни один нормальный летёха от сверхсрочника не требовал. Капитан или майор могли сделать замечание, но никак не лейтенант, только вышедший из учебки. Сержант остановился и, не найдя, что ответить, молча уставился на хамоватого самозванца. За сценой из окна наблюдала красивая молодая женщина – жена одного полкового офицера. Проходя мимо жёлтого дома, Шишликов всегда оглядывался на её окна.

– Что уставился? Язык проглотил? – красовался перед земляками наглый лейтенант.

Шишликов был не из тех, кто легко превращает конфликт в шутку. И за словом в карман он лез довольно часто. Сглаживать и разводить словами ситуации он ещё не умел, и ему оставалось лишь смотреть в глаза дерзкому дикарю. Молчание затягивалось, и атмосфера накалялась. Закончилось всё тем, что старший из кавказцев вступился за него:

– Это друг Шагумова. Я помню его. Тебя Шиш зовут, да?

Фраза разрядила обстановку, но Шишликов от злости продолжал молчать. Старший хач похлопал его по плечу и приветливо сказал:

– Ступай домой. Иди.

Красавчик тогда тоже был в той компании. Теперь же он просил ключи от жилья, но не для себя, а для вольнонаёмной Аллы, которую в пылу разборок кто-то выкинул из окна второго этажа. Алла пролежала неделю в госпитале, утром должна была выписаться, и её зачем-то требовалось спрятать до полного выздоровления. Соседи Шишликова по коммуналке – казак из Крымска и бульбаш Авдеич – по заверению Красавчика были согласны на проживание Аллы в общей квартире.

– Дай ключи на день, помоги.

– Только для Аллы! – протянул через решётку два снятых со связки ключа сверхсрочник.

Алла была очень и очень яркой полудевушкой-полуженщиной. Уступить ей на пару дней своё холостяцкое жильё было приятно. Ей непременно понравится просторная, светлая ком-

ната и огромный, нарисованный на стене парусник. Да и комната соседа ей понравится: у Авдеича на стене жирным шрифтом было размашисто выведено «Дзе мая любоў?». Правда, их общий друг Паша Амелин, обаятельный и невероятно ленивый прапорщик, на одном из кутежей приписал ниже «Дзе моё пиво?».

– Над романтиками всегда шутят! – успокаивал Шишликов наивного белоруса.

– Где ты был, когда Бог мозги раздавал? – пытался язвить в ответ Авдеич.

– За тобой ходил! – язвил в ответ Шишликов под хохот двадцатилетних батальонных холостяков.

Впоследствии именно у них обоих – у Шишликова и Авдеича – и появились красивейшие девушки.

Впервые Шишликов столкнулся с Аллой за полгода до гауптвахты. Она стояла в закутке кафе «Дружба», примыкающем к ГДО, и обнималась с Красавчиком. На том была такая же, как на Шишликове, чёрная куртка из мелких кожаных обрезков – полгарнизона ходило в таких. «Что она в нём нашла?» – злился Шишликов. Варёные джинсы, спортивные костюмы, «Депеш мод», «Яблоки на снегу», «На заре голоса зовут меня». Шишликов носил широкие клетчатые брюки и свитер на голое тело – дань «люберецкой» моде. «Что нашла очаровательная кучерявая блондинка в небритом абреке?» – злился он.

Буфетчица Шура подозвала Шишликова к себе и с назидательным прибалтийским акцентом сказала: «Не связывайся с этой женщиной, мальчик!» Так же она говорила ему про всякую женщину, на которую он обращал внимание. Забота Шуры была трогательной, он дорожил знакомой буфетчицей, но никогда не следовал её советам.

Во второй раз, пройдя мимо целующейся в углу Аллы, Шишликов сердито вышел в зал. Играла музыка предпоследнего советского лета. Тогда никто, кроме Чубайса, ещё не догадывался об этом, и с двумя подвыпившими офицерами в гражданке танцевала одна громкая блондинка. Она была навеселе и со смехом схватила двадцатилетнего Шишликова за руку, когда тот проходил мимо. Ему пришлось танцевать в кругу Клавдии и её тучных неповоротливых кавалеров.

– Это друзья моего мужа! – произнесла она, обвивая обеими руками его шею.

– Понятно! – торопился отцепить непосредственную женщину Шишликов.

Ситуация изменилась, когда в зал вышла кудрявая красавица, похожая на дикую хищную кошку. Клавдия закричала:

– Аллочка, ну куда ты пропала? Мы все заждались.

Девушка-кошка подошла к подруге, поздравила с днём рожденья и со скучающим видом стала пританцовывать. Через пару тактов Клавдия перекричала музыку:

– Познакомься, это Шиш.

Интереса Шишликов в Алле не вызвал, она продолжала снисходительно сгибать и разгибать локти и колени, перетаптываться в общем кругу и озираться по сторонам. Рядом танцевала группа молодых парней. Ребята то и дело бросали на изящную девушку прямые оценивающие взгляды.

Она разворачивалась к ним и возмущалась:

– Ну что тарашитесь? Давно по шее не получали?

Ребята в ответ обращались к Шишликову:

– Уйми свою подругу. Мы к ней не лезем.

Так повторялось несколько раз: проскальзывали не нравящиеся Алле взгляды, за которыми следовали оправдания. Алла расплылась, расплылась и, наконец, позвала троих ребят на выход. Шишликов отправился следом. На дворе стоял тёплый сентябрьский вечер. Парни из танкового полка посмеивались над угрозами вспыльчивой девушки, и это её заводило:

– Давай один на один. Сюда иди! – требовала она на ковёр самого высокого из них.

Тот просил Шишликова успокоить подругу, и Шишликов охотно пытался это сделать. Он хватал рвущуюся в бой Аллу за талию, она разворачивалась к нему и шептала:

– Видишь, какие они трусы?

Затем пыталась снова ринуться в бой, замахивалась хрупкими кулаками на молодых прапорщиков. Шишликову приходилось аккуратно перехватывать её, чтобы не довести дело до настоящей драки. Его рука нечаянно сползла на буйное Аллино сердце. Он ощутил, как трепетно оно бьётся, и замер в ожидании затрещины за вольность. Но, пылая румянцем, девушка лишь поворачивалась к нему и шептала:

– Сам видишь – они меня боятся.

«Кошка. Настоящая кошка!» – терялся Шишликов. Он впервые в жизни обнимал девушку, и чувство нежности переполняло его. Три танкиста, записанных Аллой во враги, по дружески завидовали связисту.

В дверях кафе появились Клавдия и два молчаливых сослуживца её мужа. В этот же момент с другой стороны затормозила белая «Волга». Клавдия обрадованно закричала и потребовала от вышедшего из машины грузина развести их по домам:

– Бадри, дорогой, у тебя есть время?

Бадри с удовольствием стал размещать в салоне обеих подруг и без удовольствия их кавалеров. Шишликова тоже пригласили в машину. В салоне стоял гул от вопросов, кто куда едет. Водитель ворчал «Так не делают! Куда ехать?», но уступал капризам неопределившихся женщин. Проехав триста метров, он остановился возле КПП генеральского городка и спросил, кто здесь выходит.

Никто его не слушал. Шишликов чувствовал себя не в своей тарелке, но близость сидящей рядом Аллы удерживала его от возвращения домой. Шум в переполненной машине привлёк внимание дежурного капитана, который отправил рядового выяснить причины долгой остановки. Солдат постучался в переднее окошко:

– Здравствуйте. Почему стоим?

– Сейчас выясним, кто выходит, и отправимся дальше! – сообщил Бадри, который уже жалел о доставшейся ему роле извозчика.

– Да иди ты! – послала солдата Алла.

Тот быстро исчез, но через минуту снова раздался стук в окно. В этот раз солдата попросил уйти Шишликов. Стучавший оказался не рядовым, а дежурным капитаном. Он был взбешён:

– Ты кого послал? Вышел из машины! – ломился он в заднюю дверь.

Грузный водитель испугался: любой залёт в ГСВГ грозил увольнением или переводом на родину. Он выбежал из автомобиля и распахнул заднюю дверь:

– Выходите! Хватит уже!

Вслед за сержантом высыпали все пассажиры. Дежурный офицер напал на смутившего Шишликова. Тот и сам был не рад своему хамству. Раньше он себе такого не позволял, а тут оступился – решил покуражиться перед боевой девушкой. «Дурак!» – думал он про себя.

Девушки унимали капитана, приятели Клавдии вздыхали и мямлили. Возникла полная неразбериха. Бадри стал торопливо разворачивать «Волгу». Передние колёса автомобиля прокрутились в сантиметре от чёрных туфель Аллы. Она вскрикнула, схватилась за ногу. Шишликов растерялся, взял её на руки и понёс в генеральский городок.

– Дурак, куда ты меня несёшь? Я не там живу! – зашептала Алла: – Опустит! Я понарошку!

– Всё в порядке? – подбежала Клавдия.

Капитан махнул на девушек рукой и исчез. Грузин быстро усадил Аллу и двух молчаливых офицеров снова в автомобиль и умчался. В двадцати метрах от КПП остались Клавдия и Шишликов.

– Я здесь живу. А тебе куда? – нежно смотрела в глаза связисту весёлая девушка.

– А Алла – она кто?

– О, она моя подруга! В салоне красоты работает. Только с мужиками ей не везёт.

Незаметно подошёл солдат и попросил обоих пройти на КПП:

– Вас товарищ капитан зовёт.

Клавдия попятилась, потянула сержанта за рукав в сторону монумента с Т-34:

– Бежим!

Солдат не погнался следом. Только прокричал вдогонку:

– Стой! Стойте!

За танком начинался сосновый парк, на другой стороне которого жила ещё незнакомая Шишликову его будущая жена. Пройдёт ещё три месяца, он проводит в Москву школьницу Катю, заметит на дискотеке меланхоличную девушку, подумает «хорошо бы она стала моей женой», и спустя ещё месяц она сама подойдёт к нему:

– Привет, меня зовут Даниэла.

«Что только не вспомнишь! – оторвался от письма заключённого Шишликов: – У меня тоже есть прошлое. Что подумает обо мне Галя?»

Встреча 30 июня

В местной столице шёл нескончаемый ливень. Затопило низины, туннели, и транспорт – от наземного до воздушного – передвигался с большим трудом и опозданием. Завтра Шишликов улетал в Москву, а вечером шёл на концерт с Галиным участием в Русском Доме. Очень волновался. К тому же он не успел снять гостиницу и катал за собой повсюду чёрный чемодан. К радости от предстоящей встречи примешивалась доля страха: пугала реакция девушки на очередной непрошенный визит. Противоречивые чувства боролись между собой, переплетались, смешивались в пёстрый букет переживаний. Галя дарила ему поднимающие в небо сандалии-таларии и отчитывала его за то, что он ими пользовался. Она переполняла его кислородом и запрещала дышать. Она словно требовала, чтобы состояние, которым она его одаривала, оставалось тайным, сокровенным не только от других, но и от неё и от себя. Хранить любовь становилось тем же, что и хоронить её. Спрятать вселенную в точку – вот что она от него требовала.

«Да ничегошеньки я от вас не требую! Ничегошеньки! – возмущалась Галя уже в домысливаниях Шишликова: – Приехали мучить меня?»

Ни в фойе первого этажа, ни в коридоре шестого, на котором располагался маленький актовый зал, Гали не было. Русский Дом по планировке походил на школу. У подоконников кучковались любители классической музыки. Преобладали пожилые женщины и старики. Несколько человек осаждало своими вопросами высокого бородача в рясе. Шишликов, желая перетянуть Бога на свою сторону, взял у священника благословение. Затем он занял в зале два крайних правых стула в первом ряду.

Волнение переполняло его: каким будет выражение её лица, когда их глаза встретятся?

Женщина в чёрном вечернем платье объявила начало музыкального вечера. Она предупредила, что Галя с сестрой из-за погоды только-только приземлились в аэропорту, а в первом отделении выступит ещё одна пианистка.

Шишликов смотрел на пасмурное небо в окне и слушал чужое исполнение. Лёгкая, вторящая дождю музыка нравилась. Под неё представлялось, как Галя сейчас ловит такси, как мчится по мокрым летним улицам ко второму отделению, как смотрит в окно и что-то отвечает суетливой, не чувствующей момента сестре.

Музыка наполняет каждый эпизод своим собственным смыслом, превращая его в этюд. Она доминирует над действием, своевольно расставляет акценты. Под Бетховена и Шопена Галя в такси выглядит грустно, под Баха её попытки противостоять судьбе ярче, но также обречены. Чайковский везёт Галю навстречу неизбежному счастью.

Женщина в чёрном объявила паузу и сообщила, что сёстры уже на месте. Шишликов вышел в коридор и стал курсировать вдоль классных комнат в ожидании встречи. Люди толпились вокруг отыгравших музыкантов, а возле комнаты, отданной под гримёрку, никого не было. В какой-то момент дверь распахнулась. В длинном синем узорчатом платье с брошью в виде бабочки вышла Галя. Остановилась, секунду не сводила с Шишликова глаз. Убедилась в том, что не обозналась, и снова скрылась за непрозрачной стеклянной дверью.

Всё как обычно: ни обрадовалась, ни испугалась, решила скрыть свои эмоции. Не прошло и минуты, как она снова вышла и уверенно направилась к концертному залу. Он пошёл ей навстречу и в дверях сумел остановить её:

– Галя, вот повесть о тебе.

– Я от вас ничего не приму. Никогда! – отрезала она и обратилась к женщине в чёрном: – Можно мне порепетировать пять минут?

– Разумеется, проходите.

Шишликов и Галя вдвоём зашли в пустующий зал. Она устроилась за роялем, а он занял своё место. Следом за ними вошла громогласная Виктория:

– Выйдите отсюда немедленно!

– Возьми повесть, Вика! – переключил он её внимание.

Не сдержав любопытства, она выхватила у Шишликова стопку аккуратно склеенных с одного края белых листов, на первом из которых красовался черно-белый Галин портрет.

Повадки Виктории настолько предсказуемы, что полагаться на них легко. Галя повторила из-за рояля:

– Нам от вас ничего не нужно!

Вика опомнилась и вернула повесть:

– Не надо нам.

Затем она озадаченно спросила:

– А можно здесь фотографировать?

– Конечно, – подтвердил Шишликов, – в первом отделении концерта все фоткали.

Вика выбежала за оставленным в гримёрке смартфоном.

Они остались одни. Она наигрывала небольшие фрагменты, перескакивая с одной темы на другую, и сверкала глазами в сторону Она. Он тихо, нежадно смотрел на Ону и не мог наглядеться. Наверно, это была самая главная минута их встречи, та минута, ради которой Он ехал сюда, ради которой спрашивал благословение. Целая минута с Оной наедине.

Вопреки Оне, вопреки воле Оны и не совсем так, как Он сам того желал, но они остались одни. Пусть на минуту, пусть походя, но это и есть вечность. Вечность не где-то там, за какими-то дверьми будущего, а здесь, именно теперь. Люди оставили их: соблюли невидимое предписание дать им побыть наедине. Он был рад этому. Он не мог и не хотел отступить. Не мог и не хотел отказаться от происходящего. Это даже не в воле Она.

Послышались щелчки – Вика в поисках оптимальной композиции щёлкала Шишликова на фоне играющей за роялем сестры. Он стал поворачиваться к ней и в анфас, и в профиль, выдвигал вперёд рукопись, пересаживался, как просила Вика. Ей требовались доказательства того, что Шишликов посещает концерты. Шишликова причины не интересовали. Главное, что их совместные с Галей фото были востребованы жизнью, что они попадут во вселенскую историю. Это ли не промысел?

Пользуясь тем, что сестра занята игрой, Виктория выбрала момент и тихо попросила:

– Всё-таки дайте вашу повесть. Нам она пригодится в полиции.

Он заулыбался: именно на сестру и был расчёт, именно на её любопытство Шишликов и надеялся, именно так передачу книги и предвидел.

– Да, конечно. Я же для вас её писал.

Гале кричали браво после каждого исполнения. Она была невероятна, она походила на проводника в невидимый мир, в который можно было проникнуть лишь слухом. Мир представлялся необъятным океаном звуковых волн. Она была жрицей, пифией, тактирующей разверстому миру. С кем она была в этот момент? С кем неслась и металась в танце, закатывая глаза, ломая руки и сохраняя при всём этом всю свою детскость?

Скарлатти, Шопен, Бетховен слушали теперь свою музыку под её летающими пальцами. Глупо утверждать, что они писали её не для этой пианистки. Именно для неё были написаны сонаты. Выступление было проглочено в один растянувшийся на несколько произведений миг. Галя с сестрой раскланялись и вышли. Зрители медленно последовали за ними. Что же теперь? Это же не всё! Не конец? У Шишликова с Галей непременно ещё беседа?

Она стоит в окружении поклонниц, отвечает на благодарность и признательность, раздаёт автографы. Иногда смотрит на Она. Но взгляд Оны не задерживается: пробегая мимо, спотыкается, встаёт и спешит дальше. Взгляд не гневный. Он стоит у окна напротив Оны. Между ними четыре-пять женщин, восхищённо благодарящих пианистку за исполнение. Их слова и фигуры сливаются и превращаются в размытый фон.

Она стоит с Оном: женщинам роняет дежурные фразы, а беседует с Оном. Молча, без глаз, без жестов. Ровно, спокойно, тайно поёт: «Приехал. Рада».

Все постепенно расходятся, спускаются вниз. Сёстры в концертных платьях идут в гримёрку. Коридор опустел и затих. На шестом этаже только трое: Шишликов и две переодевающиеся артистки. Первой из класса вышла Вика:

– Уходите. Теперь совсем уходите. Мы только вчера в полиции были.

– Я не для того приехал, чтобы сразу уйти.

Появилась Галя и, не обращая внимания на препирания Шишликова с Викторией, начала возиться со своим чемоданом. Вика продолжала:

– Ну раз вы не хотите по-христиански, то будет вам и тюрьма, и штраф, и за повесть ответите.

– Тюрьма? Придётся добавить ещё одну главу.

– Добавляйте. Она по вам плачет. И книгу вашу мы в полицию отдадим.

– Тогда я вам ещё экземпляр подарю.

– Не надо. Вы больной. В лифт вы с нами не сядете.

Командный тон был проигнорирован, и к лифту направились все втроём.

– Не садитесь с нами! Дождитесь следующего! – повторяла старшая сестра.

– Право имею! – отвечал Шишликов.

– Да не разговаривай ты с ним! – вмешалась Галя и первой шагнула в открывшиеся двери кабины.

Когда в лифт вошла Вика, началась возня: Шишликов ступил одной ногой в кабину, а сёстры молча попытались вытолкнуть его вместе с чемоданом наружу. Это у них не получалось: девичьим рукам не хватало силы, и Шишликову было даже неловко перед такой беззащитностью. Ему хотелось им помочь, но он не знал, как это сделать. В ход пошли привычные приёмы: Галя пыталась из-за спины сестры пнуть Шишликова. Это походило на неуклюжий детский мультфильм. Слышались выдохи усилий и вздохи тщетности. Ему стало стыдно за трагикомедию, и он протянул Гале руку:

– Ударь, если хочешь.

– Вот ещё! Не буду я бить по вашей тонкой дрожащей руке! – фыркнула она и унялась.

Следом успокоилась Вика. В тишине они проехали шесть этажей, но как только лифт открылся в вестибюле, сестра продолжила разбрасывать невыполнимые указания:

– Теперь немедленно езжайте домой.

– Мне завтра в Москву отсюда!

Идти за сёстрами становилось неприлично: по фойе разбрелись остатки публики, часть которой желала продолжить беседу с музыкантами, и Шишликову оставалось наблюдать за Галей со стороны. Сёстры устремились к центру зала и пристроились к седому семидесятилетнему старику – первому попавшемуся им на глаза знакомому. Шишликов прошёлся несколько раз вдоль стен с выставленными на обозрение фотографиями. Черно-белые художественные снимки не могли завладеть его вниманием, зато хорошо служили для отвода глаз. Девушки жаловались на преследователя и бросали на него косые взгляды. Бродить вокруг да около становилось глупо, он направился прямо к Гале. Подошёл и дотронулся до её предплечья:

– До свиданья!

– Мы с вами не будем прощаться! – сказала Вика.

– До свиданья, Галя!

Как только он убрал руку, она тут же одёрнула свою. С задержкой. Лучшего жеста для прощания не предвиделось, и Шишликов вышел под дождь.

Отличие летнего дождя на чужбине от дождя на Родине разительное. Но в чём оно заключалось, Шишликов не улавливал. То ли мокрый московский асфальт пах, а местный – стерильный – не имел запаха. То ли не хватало неровностей и ям с глубокими лужами. Не было близости, фамиллярности с городом. Город был корректен, вежлив и равнодушен. Москва в летний дождь совсем равнодушна. В московский ливень можно увидеть сотни солидарных улыбок. Пафос на промокших людях не удерживается, смывается водой вместе с пылью. Разоблачённые горожане перестают важничать и начинают замечать друг друга. Как бы Шишликов хотел промокнуть под дождём вместе с Галей.

Он шёл по пузырящимся лужам и представлял, как они вдвоём вдруг оказываются в раю. Рай чем-то похож на ботанический сад без посетителей и персонала. Чем глубже становились лужи, тем больше рай преображался в рязанскую деревню, утопающую в вётрах.

Выя, шея, ива, вея,
Ваи чуя, очи чая,
Ты ли, я ли, вы ли, мы ли,
Трали-вали, тили-тили,
Щёки, щуки, руки, реки,
Воды, губы, платье, веки,
Пальцы, локти, кудри, грива,
Выя, шея, ваи, ива,
Дуя, рея, воя, тая,
Тучи, гуси, перья, стая,
Заводь, мост, телега, сваи,
Капли, ливень, ива, ваи...

Она робко озирается по сторонам, ошарашенно одёргивает его:

– Стойте!

По привычке пытается игнорировать Шишликова и найти выход. На лугу топчутся три гнедые лошади и жеребёнок. Вдоль пологого берега белеют кувшинки. Галя направляется то в одну сторону, то в другую. После тщетных попыток она возмущена: лоб наморщен, но решительности в глазах нет. Она рассеянно смотрит на него и негодует:

– Что вы наделали? Верните меня сейчас же обратно.

– Как, Галя? Куда?

- Не притворяйтесь. Вы же это устроили. Верните меня на концерт в Тюлерандию. Готовность зареветь, пусть ненадолго, пусть нарочно, стыдит Шишликова:
- Прости, Галенька. Возвращаю тебя к сестре. Только не хнычь.

Поезд

Туду-туду, туду-туду, тада-тада. Кому не знаком сдвоенный стук колёс набирающего ход поезда?

Первые детские умозаключения часто ошибочны. Если у тебя есть настоящая деревня с бабушками, роднёй, овцами и рекой, то вовсе не значит, что она есть у твоих школьных товарищей. Рассказывать о сельской жизни тем, у кого есть представление только о даче, – занятие трудное, а первый восторг повествования гаснет от многочисленных отступлений и разъяснений:

«Чулан – это кладовка такая, в которой прохладней, чем в избе, и темней. Поэтому, чтобы проснуться и подняться на рассвете в чулане, требуется огромная воля. Сколько раннего клёва на дальней запруде так проспичь. Мешки там с сахаром и зерном, сундук. Ещё мыши в чулане прячутся и сверчки, и по шороху в старых обоях их не отличить. Пышка – это не пончик, это большая пышная лепёшка на соде. Бучаги – это канавы с водой в низах. Низа – это полоса деревьев и кустов за огородами, где вода, комарьё и соловьи вечером. Квас не красный, а белый, и не сладкий он вовсе. В погребе или в подполе хранится в бидоне. Овец и коров вечером с лугов пригоняют к клубу, сперва одно стадо, затем другое. Потом сельчане своих по домам разводят. Одна скотина сама дорогу знает, за другой глаз да глаз – хворостина или хлеба кусок нужен!»

Литературные герои, имеющие деревню, завоёвывали симпатию Шишликова безоговорочно. Наташа Ростова едет в деревню? Умница! И у него, и у Шишликова своя деревня. Ездить из Москвы в имение – таинство. Сама дорога туда – таинство.

Стук колёс набирающего ход поезда был для Шишликова одним из любимых звуков привычного миропорядка. Если физическая природа звука лежала на поверхности, на стыке рельс, зазор которого с пружинистым лягом встречали задние колеса переднего вагона, и подхватывали передние колёса следующего, то то, как этот звук шевелил всё внутри, казалось алхимией. Металлический пульс, ритмически сопровождавший движение, напоминал дыхание времени.

Ты садишься в вагон дальнего следования то со скребущими кошками, то с розовыми надеждами. Прощаясь с одними глазами, ожидаешь на том конце встретить другие или их же, но с новыми очень важными для тебя нотками. И всё это под металлический стук колёс. Туду-туду, туду-туду, тада-тада.

Локомотив с растянутым змеей пассажирским составом, летящим от А до Я через многочисленные станции и полустанки, легко представлялся проекцией жизни.

Стук колёс отображает время более естественно, чем метроном и часы, – те только тикают и стоят на месте, здесь же с каждым стуком меняется пространство. Самолёты и автомобили тоже меняют пространство – листают его, как однодневную газету. В поезде же листается книга.

В купе, в плацкартном вагоне, в теплушке, в которой Шишликову довелось проехать с военного аэродрома до пересылки, человек попадал из жизни в житие. Война, хаос революций, встреча солдата Алёши с Шурой, Телегинские хождения по мукам – поезд как ничто другое связывал события и судьбы героев в один общий портрет земных скитаний. Лица героев в поезде дальнего следования сливались в одно человеческое лицо, созерцающее собственные хождения в поисках счастья. Вагон, плацкарта, вид мелькающих полей, чай в подстаканниках возвращали человека из его ролей в состояние наблюдателя. Вне вагона он мог быть и купчишкой, и студентом, и солдатом, войдя же, становился философом, внимающим своим и соседским историям. И смотрел он на эти истории не изнутри, а уже откуда-то сверху, словно взяв паузу и вспомнив что-то большее. Именно в поездах начинаются книги.

Что же ещё такого магнитящего в поезде? Поезд – что-то очень и очень родное, колыбельное, русское. Куда более русское, чем европейское. И по масштабу, по размаху, по аляповатости.

Думать о Гале отстранённо в поезде лучше всего. В поезде лучше всего думать о Гале. О девочке, с детства меняющей общежития, города и страны.

Кто такая Галя? Почему именно она? Загадочная птица Феникс? Пугливая Жар-птица? Царевна Лебедь, меняющая одежды и облик, чтобы оставаться неузнанной неуловимой недоугой?

Познать девушку с ничем не примечательным именем, а через неё всё мироустройство, будь оно вселенских масштабов, с космосом или без. Если раньше собственное невежество оправдывалось необъятностью мира, то теперь вся вселенная обрела тонкую Галину талию и тонкую Галину шею, на необъятность было не сослаться, и Шишликов обескуражено вздыхал:

А я пришёл увидеть вечность волн,
Не знающих ни радости, ни горя,
И, не объяв объятного простор,
Так, между прочим, бросить:
Бог с ним, с морем.

Он был бы рад отпустить перелётную гусыню, но не отпускало. Он шёл от берега, а море двигалось за ним. С появлением Гали жизнь буквально переформатировалась – потеряла смысл и тут же приобрела новый: приблизиться к ней. Найти нужный поезд. Если четыреста вёрст дорожного полотна преодолевались за полдня, то на оставшиеся сантиметры могли уйти годы. Железная дорога связывает города и ускоряет время, но на расстояние между людьми она не влияет.

Влияет, но совсем обратным образом. Именно способность за короткий срок преодолевать большие расстояния, способность мгновенного установления электронной связи и сделала возможным огромную дистанцию между людьми. Рельсы разделили людей, вырвали их из вечности и оцепили Землю железными оковами цивилизации.

Если сказочному Лелю не надо было никуда ехать и для полноты жизни хватало тростниковой дудочки, то Шишликовым одной свирели для жизни стало мало. Пастухов сменили учёные. Познание жизни венками из ромашек и хороводами сменилось колонизацией и перекапыванием Земли вдоль и поперёк.

Сперва райское счастье Леля сменилось поисками счастья Иваном. Если у Леля счастье было всегда, то Иванушке приходилось добывать его в поте лица. За счастьем Ивану следовало ходить уже за тридевять земель. Мир расширился, унося счастье на край света, и Иван в погоне за ним садился сперва на коня, потом на ладью. Но и это не помогало. Требовались скорости другого порядка. Потребовался ум Ломоносова, рельсы, ракеты. Лель и Ломоносов, казалось, уже не имели ничего общего. Лель, Иванушка и Ломоносов – три разные Руси.

К хроническому счастью ближе всех был Лель. На его фоне даже олимпийские боги выглядели самозванцами. Но как только в жизни Шишликова появился Галин рояль, ему пришлось предпочесть надёжному счастью Леля призрачное счастье Ломоносова. При Ломоносове уже была классическая музыка и инструмент, без которого о дружбе с Галей не могло быть и речи.

Внятно описать ситуацию, в которой пребывал Лель Ломоносов, лучше всего удалось известному своим куражом Герману Стерлигову. Герман Львович, решив порвать с цивилизацией и возведя в Можайских лесах архаичное крестьянское хозяйство, рисовал всем ужающую картину мира. Он эпатажно, но искренне кричал на всю страну, что все люди стали

зложниками технического прогресса и что благодаря ему исчезает вода, флора и фауна, а Земля превращается в непригодную для жизни химическую свалку. Ответственность за всё он возлагал на науку. Главными виновниками у него считались не правители, а учёные, первым из которых был Ломоносов: «Они сначала заасфальтируют грунтовые дороги, а потом без них никуда. Они испортят людям глаза и зубы, а потом ты к ним бегаешь за очками и пломбами. И так во всём, чего ни коснись!» Не жаловал он и искусство, и музыкантов, в категорию которых попадала и Галя. Только география, история и Святое Писание считались им достойными изучения предметами. Шишликов вопреки работе программистом разделял взгляды Стерлигова и радовался существованию подобных личностей. Он любил ярких людей, отстаивающих свою правду. Помимо Стерлигова, его радовала Поклонская, носившаяся с бюстом последнего императора. И пусть император в глазах Шишликова не заслуживал любви Крымского прокурора, сама любовь её была слишком искренней, чтобы не замечать этого. Главной чертой настоящего человека, неизменным его атрибутом для Шишликова являлись искренность, гонимость и харизма.

И вместе с тем, стоя на развилке между счастьем и Галей, Шишликов выбирал Галю. Тоже настоящую, тоже харизматичную, но плоть от плоти цивилизации. Рафинированный цветок враждебной человеческому счастью цивилизации.

Моцарт

У Шишликова была одна дурацкая советская черта – видя что-нибудь чрезвычайно красивое, он приобретал это на авось. Не на авось кому-то, а на авось конкретному человеку – авось человек это примет. В том, что человеку это подойдет и понравится, Шишликов не сомневался. Он и замечал это красивое именно в связи с тем или иным милым ему лицом. Вопрос был лишь в обосновании подарка. Если своей дочери, чтобы подарить что-то, повод был не нужен, то для подарков Гале или чужим детям, с которыми у него то и дело складывались приятельские отношения, нужны были весомые оправдания. За три недели, проведенные на Родине, подарков скопилось на чемодан.

– Кому ж ты это всё собираешься дарить? – с неподдельным интересом рассматривали его тётки разложенные платки, подстаканники, лоскутные одеяла и иконы.

– Гале, конечно! Что непонятного? – передразнивала их его смешливая двоюродная сестра Аня.

Так по приезде из России скапливалось много новых подарков, приобретённых вопреки всякому пониманию того, что Галя их отвергнет. Будучи человеком чутким, Шишликов выглядел со стороны полной своей противоположностью – упрямым неотёсанным солдафоном, осаждающим крепость единственным знакомым ему методом. Он сам же критиковал себя за это, сам же и оправдывал. Странная уверенность, что она как женщина подаркам хоть на секунду, но обрадуется, была сильнее той действительности, в которой жило его окружение. Откуда родом была эта уверенность, объяснить он не мог ни себе, ни случайным свидетелям своих инициатив.

Прослыть невменяемым членом общества – перспектива не из радостных. Всё общество делилось на прихожан, круги знакомых вне церкви, знакомых на Родине и на коллег. Эти части его окружения почти не соприкасались друг с другом. В каждом кругу у Шишликова была своя ипостась, и, утомившись в одном обществе, можно было переключиться и отдохнуть в другом. Но именно в церковной общине, где человеческих странностей в избытке, прослыть очередным помешанным Шишликову не хотелось.

Богоискание – удел людей раненых, осознающих своё ранение. Церковь – лечебница. Но не та, что излечивает и возвращает в мир здорового человека. Она никого не возвращает. Зализавший возле Христа свою боль пытается ужиться и в миру, и в храме. Через какое-то время это превращается в огромный шпагат, при котором то и дело рвутся связи. Чтобы их не рвать, нужно быть сильным. А оценивать чужую силу – труд ещё тот: чтобы оправдать себя, Шишликову требовалось прежде оправдать всех, с кем его сталкивала жизнь. Никого, никого он не должен отвергнуть, чтобы не быть отвергнутым Галей.

Можно лишь смутно догадываться, какой мир таится в той или иной щуплой старухе и что прячут люди под той или иной невыразительной внешностью. В детстве в деревне Шишликов с братом стороной обходили дряхлую колдунью Ефросинью. Завидя её на лугах, куда она ходила по травы, они сворачивали с намеченного пути, садились на землю и крепко держали взбалмошного пса, чтобы тот не облаял старуху: выжидали, когда та пройдёт мимо. В избе же крепили колючие стебли синеголовника над входной дверью, дабы колдунья не смогла переступить порог. Спустя годы Шишликов узнал, что Ефросинья в молодости была первой красавицей. Наверно, почти такой, как Галя. Недоступная красавица – всегда ведьма! Через каких-то пятьдесят лет Галя будет Ефросиньей, и Шишликов исправит детскую ошибку – он всегда будет видеть в ней красавицу.

Красота магична, необъяснима, завораживающа. Она легко подходит под основной ориентир познания жизни. Достаточно сделать её точкой отсчёта, и всё упростится: чем ближе к истине, тем красивее, и чем красивее, тем ближе к истине. Шишликов интуитивно искал соприкосновения лишь с красивыми, на его взгляд, лицами и сторонился некрасивых. Красивых было больше всего среди детей и неискушённых девушек. В них красота сияла пронзительной ангельской чистотой.

Сладости попеременно с посадскими платками, очередными нотами и не переменным драже «Вечернее» были упакованы в большую голубую коробку. От кого бы Галя приняла новую посылку с удовольствием? Шишликову на ум пришло одно имя: Вольфганг Амадеус! Остальные данные отправителя – дом, улицу, фонарь – он оставил своими.

Отслеживание посылки через сеть доставляло Шишликову волнительное удовольствие. Посылка была словно продолжением его руки, тянущейся сквозь большие расстояния к любимой. Двигалась рука не по кратчайшей прямой через холмы, леса и реки, а зигзагами по пунктам логистики. В течение двух дней к статусу посылки прибавлялись все нужные сообщения: посылка принята отделением связи, посылка поступила на сортировочный пункт отправки, посылка поступила на сортировочный пункт доставки, посылка поступила в почтовое отделение для доставки адресату, посылка загружена в почтовый грузовик... Адресат неизвестен, и посылка отправляется обратно.

«Стоп! Стоп! Стоп! Как неизвестен? Галя переехала?» – новость повергла Шишликова в недоумение и тревогу. Это был удар под дых. Удар навязчивой судьбы, в которую Шишликов не верил. Она во второй раз прятала от него Галю. Шишликов представил почтальона в жёлтой форменной куртке: тот вежливо протягивает ему бланк для росписи, Шишликов тянется за шариковой ручкой и получает удар в живот.

– За что? – спрашивает он.

Почтальон ехидно ухмыляется:

– За Галю!

Снова искать новый адрес? Снова делать бесконечные запросы и неделями томиться в ожидании правильного ответа? Посылка с подарками возвращалась обратно.

Настойка пустырника помогла унять эмоции и выстроить последовательность планируемых шагов. Первым делом он наклеил имя Моцарта на свой почтовый ящик и дверь. Оставаться днями дома в ожидании курьера не было возможности из-за новой работы, первая неделя которой только началась. Уведомление забрать посылку в ближайшем почтовом отделении появилось днём позже. Вечером следующего дня он отправился на почту.

– Здравствуйте. Хочу забрать посылку.

– Паспорт дайте! – потребовала полнотелая сотрудница почты.

Клиентов в вечерний час оказалось много, и у женщины слышалась одышка.

– Вот, пожалуйста! – протянул он документ: – Там вместо моей стоит фамилия Моцарта.

– В паспорте?

– На посылке.

– Если фамилии разные, то мы посылку вам отдать не можем.

– Как не можете? Та, кому я её посылал, видимо, переехала. Мне посылка вернулась из Койска.

– На чужую фамилию мы ничего не выдаём.

– И что же мне делать?

– Нужна доверенность! – устало предложила выход женщина.

– От Моцарта? – удивился Шишликов: – Он же умер!

Женщина за стойкой растерянно согласилась:

– Да, я знаю!

Повисла пауза. Очередь нетерпеливо росла. Во избежание пробки вмешался ещё один почтовый чиновник:

– В чём трудности? – самоуверенно встал он на защиту коллеги.

– Посылка на другое имя... – начала объяснять женщина.

Очередь постепенно вошла в курс дела и внимательно следила за происходящим. Всем хотелось поскорей увидеть посылку от почившего композитора. Шишликов начал нервничать.

– Тогда вы её никак не получите! – заявил второй чиновник.

– Не получу? И что с ней будет?

– Полежит у нас в течение недели, а потом отправим обратно.

– Куда обратно? – спросил он.

– Отправителю! – ухмыльнулся третий чиновник, вышедший на шум со складского помещения. Он краем уха слышал спор и был слегка раздражён.

– Так нет никакого отправителя, то есть Моцарт умер, и я вместо него! – возмутился Шишликов.

Воцарилось молчание: присутствующие пытались вместили сказанное и ждали развязки. Третий чиновник очнулся первым:

– Так это она теперь вернулась отправителю?

– Да, из Койска вернулась! Моцарту! – подтвердил Шишликов.

– А Моцарт, как я понимаю, вы?

– Да он это! Он – Моцарт! – раздалось из толпы.

– Хорошо, давайте ваш паспорт.

Шишликов снова протянул паспорт и посоветовал искать посылку на стеллажах по цвету коробки:

– Она бирюзовая такая. В цветочек!

С облегчением, но без всякой радости он принёс невостребованные подарки домой. В голове уже вертелась мысль самому отправиться в Койск и выяснить всё на месте. Результативность такой поездки была близка к нулю: навряд ли расспросы соседей по общежитию и расспросы прихожан в храме могли дать хоть какие-то результаты – никому никогда просто так Галя свой адрес не оставляла. Мама, с которой Шишликов в последнее время активно делился своими делами по телефону, тоже просила не бросаться сразу в дорогу. Он давно уже не прислушивался к её рекомендациям, но, усмотрев редкую возможность подчеркнуть пользу родительского совета, решил уступить.

Он подал новый запрос в адресный стол и томительно стал ждать ответа.

Профессор

Галя с её постоянными гастролями могла появиться в его городе когда угодно. Вероятность того, что вместо воскресенья она окажется в храме в субботу утром, срывала с Шишликова одеяло, волокла в душ, брила и толкала в церковь оба выходных дня. Каждую субботу он должен был быть готовым к встрече. Высыпаться ему приходилось только в будние дни. Благо у программистов рабочий график гибкий, и на новую работу можно было приходиться даже к полудню. В выходные же Шишликов вставал раньше обычного. Если в воскресный день он шёл в храм к Богу, то в субботу Шишликов шёл туда исключительно к Гале.

Получались какие-то ножницы из воскресной веры и субботней надежды, которыми он кроил дни затянувшегося ожидания.

По окончании литургии Наташа со свечного ящика попросила Шишликова не убежать. Она подвела его к стоявшему в притворе пожилому человеку. Им оказался профессор, на лекцию которого Шишликов однажды сопровождал Галю. Он вспомнил, как она тогда без всякого повода высмеяла его музыкальную неграмотность: «Вы хоть что-то поняли? Не скучали?» Теперь Шишликов и профессор предстали друг другу, и Наташа обратилась к последнему:

– Вот вам компьютерный специалист. Рекомендую.

– Вообще-то я программист.

Анатолию Викторовичу перед поездкой на московский симпозиум требовалась помощь в настройке мессенджера, и он пространно приглашал Шишликова к себе в гости. Компьютерный специалист – что-то вроде сантехника из «Афони», но Шишликову было приятно оказаться полезным музыкальному профессору хотя бы таким образом – знакомство с ним почти опровергало Галину насмешку и делало его менее невежественным. Услуга оказалась обоюдной.

По дороге к профессорскому дому слегка рассеянный, но совершенно бодрый духом человек оживлённо вёл сразу две темы: вздыхал о своей неспособности самостоятельно разобраться в настройках программы и восторженно рассказывал о загадочной надписи на музейной вазе, которую ему довелось расшифровать.

Перескакивая с одного повествования на другое и отвечая на встречные вопросы, он вёл Шишликова по тропинкам ботанического парка.

– Когда я увидел представленный мне для изучения древний экспонат, то сразу ахнул! – делился чувством первооткрывателя Анатолий Викторович: – Дело в том, что точь-в-точь похожую вазу я видел в Москве в гохране.

– И вы сразу решили эту загадку?

– Нет-нет, что вы? В таких делах торопиться не следует. Это была только догадка, требующая тщательной проверки и подтверждения.

Терпеливости и усидчивости этого человека Шишликов мог лишь позавидовать. В этом профессор был сродни Гале и сильно отличался от него самого: Шишликов бы на радостях разбил эту вазу. Не специально, нечаянно, но разбил бы. Уже только от хрупкости и незащитности её – от способности расколоться на осколки. Иначе зачем стоять на краю? Ваза, стоявшая века с нерасшифрованной дарственной надписью, в его мире только и ждала своего часа. Как ваза Аглаи и князя Мышкина, как висящее на сцене чеховское ружьё.

В какой-то момент Шишликов даже вздрогнул:

– А где она находится – ваша ваза?

– Там, где ей и положено быть, – в музее! – отвёл опасность профессор.

Компьютерные неполадки оказались пустяковыми. Анатолий Викторович попросил жену сварить кофе и уселся за фортепьяно. Клавишная музыка была светлой, лёгкой, быстро наполнила

нила пространство квартиры жаждой жизни и в какой-то момент сильно кольнула Шишликова. Ему сразу захотелось как можно скорее отыскать Галю. Волшебные звуки задевали что-то в груди и требовали решительных поступков.

«Не музыка – прилагательное к миру, а мир прилагается визуальным фоном к музыке! – терзался на стуле Шишликов: – Музыка главное, существеннее видимости!» И она развязывала руки и толкала к действию: найди её. Встань у неё на пути, возьми за руку. После допитой чашки кофе Шишликов летел домой.

В почтовом ящике его дождалось письмо из адресного стола. Так вовремя! Так кстати! Решение пришло само: в быстром ответе на запрос стоял её прежний адрес – то ли она не успела прописаться на новом месте, то ли она никуда не переезжала и что-то напутал почтальон. Всё это уже можно было выяснить на месте. Поэтому он тут же заказал себе билет на ночной экспресс.

Встреча 30 июля

К дверям койского общежития Шишликов подходил с трепетом: если Галя в нём ещё жила, то могла обнаружить Шишликова из окна и быть во всеоружии, а если выехала, то каким холодом может повеять от опустевшего без неё дома. Он медленно вглядывался в список фамилий на правой стороне подъезда. Напротив комнаты номер девятнадцать привычного белого клочка бумаги с гусиной фамилией уже не было. Что-то в груди рухнуло: сколько можно исчезать, какая необходимость? А сестра?

Шишликов жадно набросился на левый список фамилий. Комната номер семнадцать. На алюминиевой пластине со звонками всеми лучами радости сиял пожелтевший от дождей и солнца клочок бумаги с Галиным именем. Викино имя стояло ниже: Галя перебралась в соседнюю комнату к сестре! Никуда не уезжала! Ну, конечно! Зачем уезжать из общежития, от которого до школы двенадцать минут ходьбы. Она здесь и вот-вот проснётся! Через пару часов она отправится на воскресную литургию.

Теперь всё выглядело совсем нелепо. Ошибка почтальона вынудила его нарушить обещание не приезжать без повода. В который раз жизнь доказывала глупость всяких условностей и принципов. Надуманные правила в быстро меняющемся мире подобны попытке остановить вращение Земли. Разве не провидение привело его к Гале?

На самом деле он искал оправдания перед ней. Должна же и у злодея быть какая-то правда. Но вместе с нелепостью объяснений, в которых легко утонуть, Шишликова захлестнула волна лёгкости: все тревоги оказались напрасны – никаких новых потерь. С радостью он обошёл общежитие и с соседней улицы заглянул во внутренний двор. Окна двух комнат и кухни под номером семнадцать на третьем этаже были хорошо видны. В одном из них он узнал белые с синими цветами шторы, в другом виднелась знакомая лампа. Дверь кухни была распахнута настежь, остальные окна приоткрыты – обе сестры находились дома.

Времени было вдоволь, Шишликов гулял по площади перед общежитием и облегчённо вздыхал – теперь можно было расхаживать, не волнуясь быть обнаруженным. Солнце подымалось быстро, тень от соседних домов на глазах сползала со стен общежития и тихо свёртывалась к юго-востоку, уступая место тёплому свету. То в одних, то в других окнах появлялись лица просыпающихся студентов. Вспомнив, как растеклись чернила на любимом имени, он присел на лавочку, выкроил из белой печатной бумаги тонкую полоску, аккуратно вывел на ней новые буквы и заменил на подъезде выцветший указатель. Викино имя, такое же жёлтое и неряшливое, он менять не стал.

В ожидании прошло ещё пару часов. За это время он успел посидеть в прилегающем к площади кафе, наблюдая из окна за каждой мелькавшей юбкой. Успел дюжину раз пройти по платановой аллее от одной площади до другой. Туда-обратно, туда-обратно. Успел возле метро спровоцировать шайку мигрантов на насмешливые комментарии в свой адрес. Язык насмешек был столь непонятен, что запугивания и угрозы не воспринимались всерьёз. Шесть-семь типов поддакивали своему вожаку, которого возмутил саквояж Шишликова с бежевыми котами в качестве орнамента. Шишликов молча наблюдал за развитием ситуации: шпана, стоявшая вокруг него, была североафриканская, а поодаль расположились экваториальные мигранты. Темнокожие выглядели старше и серьёзнее смуглокожих. Территорию сквера они считали своим ареалом и смотрели на смуглокожих, как львы на гиен. Шишликов перебирал животных под свой образ: «Слон, жираф, буйвол? Травоядные не подходят. Зачем Гале травоядный? Гепард? Гепард мог быть окружён стаей гиен и с достоинством наблюдать за их действиями!» Шишликов стоял на линии фронта между оценивающими друг друга хищниками и делал ставки на львов. Гиены, забыв о раздражающих котках на саквояже гепарда, пошли на попятную и исчезли в подземном переходе. Шишликов подумал, как Гале ежедневно при-

ходится пересекать саванну на пути к метро: как пугливой антилопе под оценивающими взглядами диких хищников.

Короткая стрелка на уличных часах перевалила за десять. Она или уже уехала в храм, или совсем не собиралась идти на литургию.

Надежда встретить её медленно начала таять. Шишликов в последний раз подошёл к общежитию и неуверенно зашагал к станции подземки, чтобы отправиться в церковь. В последний – сто сорок первый – раз обернулся и увидел на противоположной стороне аллеи девичью пару. Подростковая деловая походка, размытые расстоянием лица, скромная одежда. В груди ёкнуло.

Галя была в жёлтой футболке. Удивила Шишликова короткая до колен джинсовая юбка – обычно её локти и колени тщательно укрывались тканью. На Вике всё было длинным: и рукава блузки, и юбка. Девушки уверенно шагали по тёмной стороне аллеи, неся с собой скрипичный футляр и тряпичный зелёный мешочек.

Шишликов торопливо зашагал вперёд, не желая выдать себя раньше времени, и через минуту наблюдал за ними из-за угла булочной.

Они миновали аллею, подошли к подземному переходу и, сделав пару шагов по ступенькам, нерешительно остановились. Громкий рёв львиной стаи в сквере вызвал в них настороженность.

Посоветовавшись, антилопы развернулись и направились к светофору.

«А ведь это был шанс!» – попрощался Шишликов с возможностью защитить их от хищников. Подвиг пришлось отодвинуть до лучших времён. Минувя саванну, он ринулся за сёстрами уже не как защитник, а как охотник за робкими косулями, изменившими свой маршрут.

На пешеходном переходе расстояние между ними сократилось до пяти метров, и он услышал их похожие друг на друга голоса. Слова были неразборчивы, сливались с шелестом обдуваемых ветром деревьев и заглушались шумом мотороллеров. Одна из ближайших витрин хорошо отражала улицу, Галя остановилась возле неё и стала прихорашиваться. Свежесть утра юнила и без того молодое лицо, делала его совсем школьным. Галя поправила пряди волос на висках, и в стекле отразились её прищуренные глаза и улыбка. Довольство собой, утром, будущим читалось на её лице. Шишликова в отражении она не замечала, и полминуты он рассматривал свою богиню, не осторожничая.

За два летних месяца она слегка поправилась: открытые коленки не казались больше острыми, тело – хрупким. Такой едва припухшей он знал Галю по более ранним фотографиям. И всё же она была прежней: чистая, открытая, уверенная в себе девушка-подросток, летящая в большое будущее.

Сёстры двинулись дальше, обмениваясь короткими репликами. Прогулка втроём казалась настолько обыденной, что в какой-то момент Шишликов почувствовал себя Галиным мужем, плетущимся сзади и дающим подружкам пощebetать о чём-то своём. Так они прошли ещё два квартала и остановились на красный свет.

Их отделяло четыре метра. Если за ночь Шишликов проехал в сто тысяч раз большее расстояние, то преодолеть последнюю дистанцию он не мог. На это требовалось право, которое могла дать только сама Галя. Вика виляла хвостом вьющихся золотых волос. Он летал то влево, то вправо. Энергия переполняла её, не давая спокойно стоять на месте, и она вертелась, пока не замерла профилем к Шишликову. Медленно повернув голову назад, она встретила его вопрошительный взгляд большими накрашенными глазами и снова повернулась к младшей сестре:

– Он здесь!

Галя так же медленно повернулась. С застывшей улыбкой. Волосы её спускались ниже плеч, брови едва приподнялись. Шишликов заторопился обнаружить в её взгляде привычные оправдательные нотки. Как всегда, он разглядел в больших серых светящихся глазах мягкую

жалость. Всем своим видом Галя уверяла его: «Ну что вы? Зачем вы? Так напрасно тратите свои силы! Вы не получите меня. Вам ничего не перепадёт!» Он приблизился:

– Прости. Я не собирался приезжать. Почтальон не нашёл твоей фамилии на дверях. Вышло недоразумение! – он говорил устало, не спеша, истратив всю привезённую бодрость на три часа ожиданий: – Думал, ты переехала, а ты только комнату сменила.

Улыбка сошла с её лица, и она молча отвернулась. За неё вступилась Вика:

– Или вы сейчас уезжаете, или мы вызываем полицию.

Она то приближалась к Шишликову угрожающим шагом, то отходила в сторону, чтобы снова атаковать. Такую тактику можно наблюдать в природе и перенять у наседок. Вика волновалась и кудахтала, как курица. Они перешли дорогу и свернули на одну из длинных узких улочек, которыми кишел город.

– Я согласен. Идёмте в участок. Только не истери, пожалуйста.

Вика порывлась в сумке, вытащила телефон и одёрнула сестру:

– Ну что ты стоишь? Подойди к нему поближе.

Галя сделала пару шагов в его сторону.

– Ещё. Ещё ближе! – не унималась Вика: – Ближе, иначе он в кадр не влезет.

Галя поддавалась приказному тону. Она послушно выполняла указания сестры: подходила всё ближе и ближе, не забывая каждый раз повернуться спиной к Шишликову. Со стороны это походило на съёмки короткометражного фильма. Шишликов расправил плечи, втянул живот и громко задекларировал:

– Я снова приехал в Койск, чтобы увидеть Галю. Свидетельствую об этом всему миру. Я люблю Галю!

Кино сменилось фотосессией. Он загадал, что обязательно раздобудет эти фотографии: снимки, где они вместе, где она к нему спиной как соблюдающая английский этикет супруга. Где они супружеская чета. Вика быстро утомилась, закончила снимать, и щёки её налились румянцем:

– А теперь идите отсюда подобру-поздорову.

– Дай мне на Галю полюбоваться. Я ради этого всю ночь ехал.

– Обойдётесь! Полюбовались уже. Идите.

Вика готовилась перейти на крик и замахивалась на Шишликова зелёным мешочком. Брови её сдвинулись, губы утончились, нос сморщился, превращая довольно красивое румяное лицо в пугающую гримасу. Реагировать на неё было некогда: Шишликов смотрел на Галю, слышал её совсем близкое дыхание и ждал, когда она что-нибудь произнесёт. На слова к нему она была скупа больше года, и каждое произнесённое ей слово Шишликов впитывал как пустыня воду. Виктория не унималась:

– Я вам двину сейчас. Вот увидите: двину!

Она несколько раз предупреждающе замахивалась, ожидая реакции, но воплотить в действие угрозу не решалась. Шишликову было жаль её стараний, похожих теперь на запугивание крестьянкой наглого волка. Защита младшей сестры выглядела нелепо. Всё казалось постановочным, мультипликационным, ненастоящим. «Я не волк! Угомонись ты! Я друг!» – мысленно уверял он неугомонную бабу. Она его не слышала, и, чтобы покончить со спектаклем, он без сопротивления отобрал мягкий, набитый сменной одеждой мешок и забросил его далеко назад. Вика тут же безропотно поплелась за ним. Галя проснулась от спячки и стала пинать Шишликова в ногу:

– Если вы мою сестру хоть пальцем тронете, то я вам задам.

– Да ты бей, сколько хочешь. Бей на здоровье, любимая!

Пинки повторились два-три раза, и она остановилась в растерянности. Не знала, как быть дальше. Близость Гали приводила Шишликова в трепет. В груди её клокотало и охало сердце. Ладонь тонкой руки вытягивалась перед его лицом наподобие пугающей кобры. Мимо прошла

Вика и что-то обиженно пробубнила, оставляя их одних. Галя кинула взгляд на удаляющуюся сестру и повышенным тоном отчитала её:

– Ты ещё мне будешь указывать? Ему говори.

Не успел Шишликов понять причины размолвки сестёр, как Вика снова набросилась на него и, показывая зубы, замахала белыми кулаками:

– Так и хочется вам двинуть. Вот до чего вы меня довели.

– Попробуй. Я отвечу.

– Только попробуйте, я вам врежу! – теперь уже Галя замахивалась на Шишликова зелёным мешком.

За ходом сражения с широкой улыбкой наблюдал пожилой турок. Видимо, ему вспомнились молодость, победы и поражения в борьбе за гордое девичье сердце. Он смотрел, как за другое девичье сердце боролся другой мужчина. Всё было по-другому, и всё было так же. Ничего не менялось. Шишликов подставлял Гале шею:

– Можешь в мешок камней положить.

И он тоже вспомнил, что всё это уже было. Но не с другими, а именно с ним и с Галей. Всё повторялось. Как заезженный фильм. Прокручивался один и тот же сценарий. Рассказывался один и тот же анекдот. Ему было стыдно за повторы. «Это уже было, Галя. Было и в нашем городе, и в столице, и в Койске!»

– Проваливайте! – продолжала Вика.

– Я не к тебе приехал.

– Вы уже достаточно на Галю посмотрели.

– Ещё чуть-чуть провожу вас и пойду на вокзал.

– Так, Галя, где там у нас телефон полиции?

Вика перескакивала с одних манипуляций на другие. Из наседки она превратилась в маму двоечника: «Так, где там у нас ремень?» Шишликов поражался серьёзности, с которой Виктория хваталась за очередную глупость: «Неужели Вика думает, что с ним так можно? Что он ей, ребёнок?» Галя решила подыграть сестре и тоже превратилась в маму.

– Этот? – она выставила на обозрение дисплей телефона, на весь экран которого сверкала эмблема полиции.

– Нет, другой! – погрузилась в свой телефон Вика.

Поиски номера затянулись на пару минут, возникла долгая неловкая пауза, и Шишликов предложил разрядить обстановку:

– Ладно, я, пожалуй, пойду.

– Ха! – подмигнула Галя сестре: – Смотри, как заторопился. Испугался!

– Все не испугался! – стал оправдываться Шишликов: – Просто вас тоже задержат, а вы торопитесь.

– А нас за что? – возразила Вика.

– Как свидетелей. Вы же должны будете дать показания, объяснить полицейским, что я натворил.

– Да нам ничего рассказывать не придётся, вас уже и так все знают! – ухмыльнулась Вика.

Галя насмешливо поддакивала сестре:

– Да. Поверьте, про вас там все всё уже знают.

– Хорошо. Тогда остаюсь. Подожду! – согласился Шишликов.

Снова повисла неудобная пауза. Вика замялась:

– Дело в том, что только через две недели.

– Что через две недели?

– Закон в силу вступит.

– Какой закон?

– Такой – вам тогда ничего нельзя будет.

– А сейчас всё можно, что ли?

Абсурдность разговора становилась настолько явной, что сёстры замолчали. Шишликов запаясничал:

– Что же вы сразу не сказали?

Непривычно серьёзным тоном Галя сообщила:

– Вас скоро оштрафуют. На приличную сумму, между прочим.

Шишликова смутила восторженность, с которой она всё это говорила. Неужели она видит в нём врага, жаждет наказать, привлечь к ответу?

– Галя, я всегда хотел обеспечивать тебя. Какая разница как. Пусть в виде штрафа. Мне это в радость.

– Ха! – она гордо покачала головой: – Штраф вам придётся выплачивать полиции, а не мне. Деньги пойдут государству, так что зря радуетесь.

Вика снова вспыхнула и перешла на ругань:

– Дьявола кусок, уйдите!

– Не истери! – одёрнул её Шишликов и обратился к Гале: – А в церковь ты теперь не часто ходишь. Потому что далеко?

Вика не унималась:

– Вы же Божий человек. Как вы себя ведёте? Галя же вас ненавидит.

– Неправда.

– Это правда! – сказала Галя, смотря куда-то в сторону.

Цвет её глаз в этот момент был синим и матовым: блеска совсем не было. Шишликов видел, что она врёт. Поэтому и глаза отводит – мучится говорить неправду и думает, что так будет лучше для всех. Ему хотелось её обнять: «Нет, Галя, лучше от этого не будет. У тебя нет ко мне ненависти. Ты наигрываешь!»

– Нет, ты не можешь ненавидеть.

– Я вас буду ненавидеть всю жизнь! – настаивала Галя на своём, но тут же оговорилась: – Если исчезнете теперь навсегда.

Шишликов не стал её поправлять. Такой ответ его устраивал. Так было правильней, и он не ослышался.

– Уезжайте! – из последних сил попросила Вика.

Битва подошла к концу. Сёстры, взмыленные и вымотанные, стояли к нему вполоборота. На висках у румяной Вики взмокли волосы. На конце улицы виднелся угол музыкальной школы. Обессиленная Галя уставилась на саквояж Шишликова и попыталась пошутить:

– И забирайте ваших кошечек, собачек.

Он заулыбался её узнаваемому чувству юмора, её непосредственности:

– Я теперь только в феврале приеду. Книгу привезу. До этого не побеспокою.

Сёстры отвернулись и осторожно двинулись в направлении школы. Он долго смотрел им в след.

– До свиданья, Галя.

Семейный суд

Сколько ни объяснял себе Шишликов свои отношения с давно уехавшей девушкой, они никак никуда не укладывались и существенно меняли весь уклад его жизни. На протяжении девяти месяцев он ошарашивал Галю своими приездами и ни на каплю не восстановил её доверие. Если Галю нужно оставить в покое, то он вспомнил однажды услышанную историю об австралийских мухах. Рассказала её уже упомянутая Эллен, которой он посвятил притчу об Оне и которая полгода путешествовала по Австралии. В одной из центральных прерий её с ног до головы облепили мухи. Она тщетно отмахивалась от назойливых насекомых и пришла уже в отчаяние, когда местные жители предложили ей смириться с происходящим. Ей ничего не оставалось, как сдаться обстоятельствам и опустить руки. Через несколько минут мухи, слизав с открытых участков тела ороговевший слой старой кожи, оставили Эллен в покое. Девушка словно побывала у косметолога и была приятно удивлена результатом. Так вот и Гале – казалось ему – стоило смириться и подпустить его ближе. Он, конечно, не муха, но отпустить её будет легче, когда она сама перестанет сопротивляться. А теперь он именно как муха бился о стекло в попытках найти открытую форточку в её доме. Ведь и раньше после многочисленных неудачных попыток он находил выход. И выход всегда оказывался простым и гениальным. Почти как у Пушкина:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.

На пути к Гале – чудные парадоксальные открытия!

Через два дня в почтовом ящике он обнаружил заказное письмо. Жёлтый чиновничий конверт не сулил ничего приятного. Хотелось разобраться и поскорей покончить с этим, поэтому, не успев разуться, он прямо в прихожей вскрыл его.

На титульной странице красовалось жирное имя отправителя: «Семейный суд города Койска». Ниже стояли рядом её и его фамилии. Разделяло обе фамилии слово «против». Шишликов невольно улыбнулся очередному парадоксу: «Мы пара! Даже семейный суд это признаёт!» Дальше шло длинное-предлинное письмо адвоката, обращающегося от Галиного имени к суду.

Шишликов отказывался верить, что она на него жаловалась. Это сделала её сестра, но никак не она. То есть Вика, а возможно, и отец вынудили её обратиться в суд, и Галя поддавалась их давлению. Это недоразумение, которое он обязательно объяснит суду. Галя тут ни при чём. Шишликов напишет опровержение. Опровержение не Гали, а неправды и неточностей, которые она по невнимательности своей допустила.

Надо же: он обещал приехать в феврале, а семейный суд готов запретить Шишликову всякие контакты с Галей именно до восьмого февраля. В чём смысл запрета, если он и так в ближайшие полгода не собирался появляться в её жизни?

Вместе с тем во всём происходящем чувствовалось какое-то чудо: всё складывалось один к одному. Всё запланированное текло как по маслу и укладывалось в сроки. Даже не зависящие от Шишликова решения принимались вовремя и кстати. Даже хорошо, что суд! Хорошо, что запрет! Пускай! Шишликов будет заниматься книгой.

Он долго пытался представить себе её состояние в полиции. Вот она стремится поскорей покинуть отделение, но стоящая рядом сестра настаивает на даче показаний.

– Вы запретите ему только ездить и писать, и всё! Больше ничего не надо! – тихо просит она.

– Для этого нужны основания. Можете их предоставить? – требует полицейский.

– Я просто не хочу, чтобы он ездил, появлялся на концертах, мучил себя и меня.

– Мы предоставим вам основания и доказательства, – обещает Виктория, – дайте нам время, и мы детально всё опишем.

Старшая сестра постаралась на славу: семь страниц обвинений, одни из которых накладывались на другие, содержали взаимоисключающие высказывания и факты, и во всех них сквозила Галюшина детскость.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Заявительница и ответчик познакомились в сентябре позапрошлого года в православной церкви. В начале были дружеские отношения, в течение которых заявительница иногда принимала разного вида помощь от ответчика.

Не позже марта следующего года заявительница сообщила, что не желает отношений, выходящих за границы дружбы.

Обоснование: клятвенное заверение заявительницы.

В последующем произошли такие случаи преследования:

1. В период с июля по август ответчик почти ежедневно ждал заявительницу возле общежития, возле станции метро, а также возле музыкальной школы, где она училась.

Если ответчик встречал заявительницу, то сопровождал её до тех пор, пока она не заходила внутрь зданий.

При игнорировании заявительницей ответчика он часто перекрывал ей путь велосипедом, ожидая от неё хоть какой-то реакции.

Также имели место случаи, когда ответчик хватал заявительницу за запястья рук, пытаясь остановить её.

2. В июле ответчик минимум четыре раза проникал в закрытое общежитие на Бобровый улице, в котором проживала заявительница, и подымался на второй этаж, где располагались семь студенческих комнат. Он стучался в дверь заявительницы, и она сразу звонила и сообщала об этом сестре.

3. Когда заявительница в период с июня по сентябрь находилась в отпуске на Украине, ответчик пытался звонками и электронными письмами наладить контакт с ней. Не получая никакого ответа, ответчик звонил и писал Виктории, чтобы что-нибудь узнать о заявительнице.

С конца июля по март следующего года заявительница почти ежедневно получала от одного до трёх писем от ответчика, на которые она не отвечала.

4. На основании вышеописанных случаев преследования заявительница ещё в мае прошлого года отказалась от контактов с ответчиком и потребовала не стоять у неё под окнами, а при встречах не провожать её.

Так как ответчик, несмотря на требование заявительницы, продолжил свою деятельность, то такие же требования к нему предъявила сестра заявительницы.

Также и отец заявительницы в сентябре прошлого года потребовал от ответчика через видеообращение не приближаться к ней и не писать ей писем.

К этому привело то, что во время видеобеседы заявительницы с отцом ответчик находился под её окнами. В надежде, что слова её отца как-то повлияют на ответчика, она пригласила его в свою комнату.

После того как заявительница в мае и июне прошлого года на короткое время возобновила контакты с ответчиком, ожидая, что он перестанет стоять под окнами, в середине июля она снова потребовала их прекратить, потому что он продолжал провожать её при встречах.

Из-за постоянного присутствия ответчика перед общежитием заявительница, опасаясь столкнуться с ответчиком возле подъезда, перестала раздвигать шторы и приходит домой днём.

По причине регулярного преследования ответчиком заявительница решила отказаться от продолжения учёбы в его городе, а также отклонить приглашения из музыкальных школ столицы и ещё одного города. Эти города находятся в относительной близости к городу ответчика, и заявительница опасалась продолжения преследований в них. Поэтому заявительница приняла решение продолжить образование в Койске как в самом дальнем из всех пригласивших её городов. Из опасений дальнейших преследований заявительница поделилась новым адресом проживания только в узком семейном кругу и держала его в секрете от остальных.

5. Несмотря на многочисленные требования заявительницы к ответчику не налаживать контактов с ней, ответчик искал способы общения и продолжил преследование и после переезда заявительницы в Койск.

После переезда в Койск заявительница получала из бывшего учебного заведения, что ответчик наводил справки о новом месте её учёбы.

Двадцать третьего октября прошлого года ответчик предстал перед заявительницей возле общежития на улице Каспара 2. Он снова провожал заявительницу и её сестру через весь Койск.

Заявительница снова потребовала оставить её в покое и прекратить всякие контакты с ней, что совсем не остановило ответчика.

Семнадцатого февраля сего года ответчик ожидал заявительницу на лестнице общежития напротив её двери. Когда она увидела его, то закрылась на ключ и в тот день уже никуда не выходила.

С тринадцатого по пятнадцатое марта сего года ответчик целыми днями ожидал заявительницу возле общежития и возле музыкальной школы.

Помимо этого, ответчик оставил в почтовом ящике заявительницы несколько писем, в которых он сообщал, что остановился на пару дней в квартире напротив её дома.

В продолжение этих дней ответчик нарисовал граффити с изображением птицы и именем заявительницы вокруг музыкальной школы и возле русской православной церкви Койска. В авторстве рисунков он признался заявительнице в одном из писем.

На основании возобновления преследований заявительница обратилась пятнадцатого марта в полицию Койска. Там она изложила факты и написала заявление на возбуждение дела из-за преследований.

С двадцать пятого по двадцать шестое марта ответчик снова был в Койске. Заявительница в это время отсутствовала, но была информирована об этом сестрой, которая обнаружила его письма в почтовом ящике и видела его самого вблизи общежития. Ответчик расспрашивал сестру заявительницы, где та находится, и обещал ждать её возвращения.

6. Второго июня сего года ответчик посетил концерт заявительницы в одном провинциальном городе. При этом ответчик проник в комнату артистов, где оставил цветы и зашифрованную записку. На записке стояло:

Здравствуй, я написал книгу о тебе. Уже редактирую. Ради этого бросил работу. Но нашёл новую с августа. В июле отправлю рукопись в Москву. Зимой пришлю тебе книгу. Называется «ГАЛЯ» (уменьшительная форма имени заявительницы). Я люблю тебя.

Двадцать девятого июня сего года заявительница снова обратилась в полицию города Койска из-за посещения ответчиком её концерта, где ей сообщили, что с ответчиком была проведена беседа. Также было сказано, что следует обратиться в суд для защиты.

Тридцатого июня ответчик снова посетил концерт заявительницы. На этот раз в столице, в Русском Доме науки и культуры. После окончания концерта он продолжил попытки наладить контакт с заявительницей, обращался к ней, брал её за руку и вопреки просьбе заявительницы зашёл вместе с ней в лифт. На концерте ответчик передал сестре заявительницы уже упомянутую рукопись книги.

7. На протяжении всего времени заявительница, помимо писем и электронной почты, получала от ответчика большие подарки по почте и продовольствие из магазинов.

В ноябре прошлого года заявительница получила бандеролью большой портрет маслом, на котором была изображена она.

Восемнадцатого января, двадцатого марта, двадцать третьего мая ответчик присылал заявительнице посылки и продуктовые заказы. Так, например, он присылал ей продукты, ноты, одежду, книги и духи. В посылках, помимо прочего, лежали распечатанные фотографии заявительницы.

По причине повторяемых преследований на протяжении длительного периода времени после многократных требований прекратить это заявительница опасается, что и в будущем ответчик продолжит её преследовать.

Из-за инцидентов уже двадцать шестого марта заявительница подала заявление на возбуждение дела. Оно ведётся в Койской полиции под номером 072673-17/8.

Дальше шли параграфы административного кодекса, подобранные Галиным защитником под пункты обвинения.

Ни писем, ни звонков, ни встреч сроком до восьмого февраля. Нарушение предписаний грозило штрафом до двухсот пятидесяти тысяч алтын. Трудно было вообразить, откуда судьи брали такие цифры. Это цена четырёх роялей «Фациоли», ни одного из которых Шишликов не в состоянии подарить ей. Один нечаянный звонок на её номер может обойтись ему в стоимость всего симфонического оркестра. Мир полон загадок, а глубина ям, в которые можно упасть, куда выше высот, на которые Шишликов был способен в тот момент забраться.

Он отыскал Терентия, чтобы посетовать на несправедливость, и вместо ожидаемого сочувствия получил в лоб:

- Потому что ты не настоящий.
- Не настоящий?
- Не расстраивайся. Большинство так живёт – притворяется.
- В чём я притворяюсь?

– Во всём. Вот что ты мне жалуешься? Ты сомневаешься в себе и ищешь поддержки. Хочешь на другого ответственность переложить. Иначе бы тебя приговор не сломал.

– Я только спросил, почему падать и ломать легче, чем строить.

– Если у тебя нет двухсот пятидесяти тысяч для встречи с девчонкой, то не твоя она.

– При чём тут деньги?

– Для других, может, и ни при чём, а тебе условие поставили.

– Мне за каждую встречу с Галей платить оркестром?

– Не можешь заработать, отстань от неё. Если бы ты настоящим был, ты бы ей понравился и без денег. Настоящие не могут не нравиться.

Шишликов опустил голову:

– И как быть настоящим?

– Сбросить маску. Когда внешнее будет соответствовать внутреннему, тогда ты никого не обманешь. Люди притягиваются на внешнее и разочаровываются, когда понимают, что это маска. А без неё притягивать будет твоё внутреннее. И вокруг тебя появятся твои люди, и тебе не надо будет притворяться и оправдываться перед судом. Тогда твои действия станут продолжением твоих слов и мыслей.

– Постой-постой! Ты что несёшь? Если тебя судят, то ты виновен?

– Ты виновен, когда оправдываешься. А ты оправдываешься. Когда ты подавляешь в себе эмоции и говоришь не то, что думаешь, ты платишь другим фальшивой монетой. Это обман самого себя и других! Рано или поздно за обман ты выслушиваешь приговор! – Терентий выдержал паузу и спросил: – Не угостишь меня пивом?

– Да иди ты.

– Вот. Учимся говорить «нет». На нет и суда нет.

Август

Опровержения и аргументы, отправляемые Шишликовым в неприветливый Койск, судом отклонялись. Он не особенно этому огорчился, и полугодовой запрет на связь с Галей вступил в силу. В августовские дни стали приходить ответы из разных издательств, готовых воплотить намерения Шишликова в жизнь. Каждое на своих условиях, с каждым завязывалась многодневная переписка, и он с головой окунулся в издание повести и новую работу.

По воскресеньям после литургии можно было прогуляться с Кристиной или Лалибелой, но чаще всего он сразу возвращался домой, превращая свою жизнь в затворничество. Проходя мимо музыкальной школы, Шишликов решил навестить дядю Васю. На месте его не оказалось, зато в приёмной дали его телефонный номер. Повод для звонка тоже нашёлся:

– Как будет по-нашему хаусмастер?

– Завхоз! – встревоженно ответил дядя Вася: – А ты что задумал?

Пришлось объяснять, что это нужно для книги. Объяснения встревожили дядю Васю ещё больше:

– Не пиши. Не надо! Не смей про меня писать! Меня за это с работы уволят!

– Галя вам не звонила?

– Звонила. У неё всё хорошо.

Вскоре пошли грибы. В каждые выходные Шишликов выделял себе время для поездки в лес. Даже когда лень пыталась влиять на планы дня, события били ключом, и жизнь ликовала. Восторг от заключённого с одним издательством договора делал каждый день праздничным, мотивировал Шишликова дышать полной грудью и петь:

Лыжню!

Уступите парню лыжню,

Скорей!

Он несётся к весне своей.

Если по Фёдору Михаловичу напрасный труд – самое большое наказание, то его слова многократно подтверждались доказательством от обратного: результаты творческого труда доставляли большую радость, и Шишликов купался в счастье. Отдача от творческих семян была огромна, как от евангельского горчичного зерна. Чтобы теперь не говорила Галя, их отношения плодотворны. Пусть не она оказалась беременной, а он вынашивал плод их дружбы как долгожданное дитя, но роды шли своим чередом, и их было не остановить.

Велосипедный путь до вересковых полей пригородного леса занимал около двух часов, лежал через судоходную реку, прибрежные дамбы, луга, нескончаемые яблоневые сады и три деревни. Сам настрой на лес сдвигал сознание на особое восприятие – на другие частоты. На пути то и дело приходилось останавливаться, хвататься за блокнот и записывать тезисно открытия, которыми дорожный эфир был просто пронизан. Не успевал он запрятать блокнот в наплечную сумку и крутануть педали, как мысль перепрыгивала на следующие пролёты незримой лестницы, с которых открывались новые перспективы. Новые стороны и грани мира, простые и ясные, калейдоскопом кружили голову.

Эти мысли то представлялись прозрачными сгустками, то сравнивались с пространственной изнанкой, то походили на проникающие из настоящей действительности лучи. Шишликов внимал не только содержанию мыслей, но и отчётливо прослеживал их начало и исход. Мысли ветвились, разворачивались и переплетались заново лёгкими красивыми деревьями. По маню-

вению выстраивались в ухоженные сады, расстилались в просторные рощи. Стоило обратить внимание на цвет, и тут же мысли окрашивались полупрозрачными кристалльными красками.

Шишликову не стоило труда обнаружить отрицаемую внешним миром очевиднейшую связь с Галей. Она была настолько явна, настолько неоспорима, что он воспринимал новоиспечённую богиню возмездия не иначе, как единственную на Земле женщину. Женщину, с которой у него вечные изначальные отношения.

Шишликову предлагалось решить, согласен ли он на новые условия отношений, или, ссылаясь на постановление суда, отказаться от них. Он не мог отвернуться от вызова и сказать Гале «хватит». Он принимал её капризы как новые правила. Если она хочет, он исповедует любовь к ней через всю Москву! Хочет через всю Россию? Они будут общаться странами, континентами. Каких масштабов ей не хватает?

– Я поняла – вас слишком много! – доносился до него голос то ли Ани, то ли Кристины.

– Я бы этого очень не хотел.

– Всё небо заполонили, весь воздух, и Галя задыхается.

– Благодарю, Лалибела, утешила! – не смог удержаться Шишликов от сарказма.

Упрёк был весомый, болезненный, он сбрасывал его с гребня волны в пучину безысходности и топил в ней. «Врёшь, не возьмёшь!» – не сдавался в Шишликове Василий Иванович.

– Вы нарушаете свободу воли другого человека! – продолжала с берега строчить из пулемёта Лалибела.

Кристина не помогала ей. Она стояла на берегу, пила капучино и участливо следила за Чапаевым. Кристине было только двадцать, и двадцатилетние Галя и Аня, не говоря уже о Шишликове, казались ей взрослыми, знающими жизнь людьми. Поэтому она чаще всего молчала и в спорах не участвовала. Ко всему прочему она была единственной москвичкой среди приходских девушек, и Шишликов рассчитывал на её солидарность.

– Каким образом? Я что-то запрещаю ей? – захлёбывался в упрёках Василий Иванович.

– Вы делаете то, что она не хочет! – безжалостно бросала белогвардейка гранаты.

– То есть она мне запрещает, а я не исполняю её волю? Так ведь я не в подчинении у неё. Я-то ей ничего не запрещаю, так и она пусть не запрещает мне. Иначе именно она ущемляет мою свободу воли. Разве не так?

– Так! – согласилась Кристина.

– Нет, не так. Совсем не так. Нам Бог свободу выбора дал. Можно делать лишь то, что не во вред другим.

– Значит, во всех своих действиях человек должен ориентироваться на других?

– Да! – не очень уверенно подтвердила Анна.

– Ну и что это за свобода, где всё зависит от других? Это как раз несвобода. Свобода может быть только своя, личностная, а не чужая. Чужая свобода – чушь.

Дискуссия продолжилась и после того, как Кристину проводили до кинотеатра «Абатон» – теперь она жила на той же улице, где когда-то жила Галя. Лалибеле нужно было на вокзал «Даммтор». Он находился в десяти минутах ходьбы оттуда. Это всё были Галины места.

– Если вы человека любите! – замахнулась Лалибела тяжёлым камнем.

Патроны и снаряды закончились. Шишликов никак не мог определить в этот момент, рыжая она или нет. Они стояли возле университетской библиотеки, за углом которой Галя однажды пряталась от него, выбежав из автобуса. Тогда он нашёл Галю, и она долго и пристально вглядывалась в его лицо, а её глаза смиренно вопрошали: «Что дальше?» Теперь рядом – на том самом месте – стояла Аня, и он невольно сравнивал оба этих момента:

– Если любишь, то подчинись чужой воле? Ты это утверждаешь? А ещё либералка.

– Я не либералка.

Лалибеллу задело сравнение, и губы белогвардейки надулись. Шишликов поторопился извиниться:

– Не либералка, не либералка, прости. Это по мне ты либералка, а для других ты фундаменталист.

– Да, так лучше! – согласилась Аня.

Потребность обращаться к Гале, спрашивать её мнение по всё новым и новым вопросам, подкидываемым жизнью, не давала Шишликову покоя. Ездить нельзя, звонить нельзя, писать тоже нельзя. Галя бы и не отвечала ни на какие обращения, и письма к ней летели бы в пустоту, но крохотную надежду быть втайне прочитанным они давали. Теперь же Шишликов их даже не отправлял. Он сравнивал письма в стол с напрасно выношенными и нерождёнными детьми. Он сравнивал себя с наказанным Сизифом.

Галинословие II

Ты замечала за собой недовольство героями того или иного прочитанного романа? Особенно русского. Они бывают очень доверчивы и слепы к злодеям, и порой их наивность доходит до такой глупости, что они даже теряют долю симпатии к себе.

«Сам виноват!» – проскальзывает голос возмущения слишком добрым персонажем.

«Какая же она дура!» – расстраиваешься ты очевидной ошибкой благородной героини.

Раньше я списывал это на умысел автора, который вынужден позволить произойти злодейству, дать подлости и коварству зелёный свет. Ради сюжета, испытаний, накала страстей: злодейство – необходимая часть повествования, и попускалось оно через наивность самих героев.

Затем я увидел такую же доходившую до глупости доверчивость и у России: моя Родина позволяла безнаказанно оскорблять себя. Что сейчас, что в советском детстве Родина оправдывается перед наглыми врагами и вызывает к благоразумию. На хрупкую беззащитную девушку похожа она.

На честь её посягали, и я скрежетал зубами, ища способ мести вражеским странам и трусливым властям. Я представлял себя огромным летящим соколом, несущим в когтях охапку визжащих от страха наполеонов. Числа им не было предела – за одними исчезнувшими бонапартами появлялись новые и новые. Я вырывал их из кресел, постелей, бассейнов со всего мира, приносил на Красную площадь и бросал в большую клетку на обозрение честному люду. Власть имущие ужасались последствиям дипломатического скандала, но не могли их вызволить оттуда. Более половины заключённых в клетке были из самой России. Они и сами себя не считали русскими, и я видел в них более отвратительного врага, чем в чужеземцах. Самое жуткое в том, что ненавидящих собственную страну было пруд пруди, и такое положение дел, следуя официальной истории, длилось веками.

Иной раз я видел себя беспристрастным небесным всадником, опаляющим огненным кнутом залгавшихся правителей. Обещанный писаниями день гнева не наступал, момент истины не приходил, и я сам творил суд.

На большее мне не хватало сил – никто сверху не предлагал мне ни меча-кладенца, ни другого чудо-орудия. А волшебную щуку в далёком детстве я не отпустил, а отдал кошкам. Не тянул я ни на богатыря, ни на Емелю.

Так вот зло, казалось мне, является попущением автора, иногда взваливающим вину за него на глупость самих героев. И если у героев и персонажей автор был известен, то у России явного автора не было. За Россией может быть лишь Творец. И граница, где заканчивалась Родина и начинался Творец-Вседержитель, была настолько размыта, что я позволял себе совсем нецерковную мысль: Россия и есть Бог. По крайней мере, самое сакральное из всех осознаваемых мной образов было Русью.

Но я даже не об этом, Галюша. Я о том, что доверчивость, доходящая до глупости, вдруг увиделась мне неизбежной чертой божественности. Глупостью доверчивость мог назвать только далёкий от Бога человек. Только хитрец, который пользуется чужой доверчивостью и зрит её с практической стороны, считает её слабостью. А на самом деле доверчивость не глупость и не слабость, а другое. Благородные герой и героиня не могут не довериться даже и самому явному злу, они зло оттолкнуть не вправе – у добра другие мерки и весы. Вот и вся тайна.

* * *

Судебное решение вступило в силу, общение с Галей прервалось на полгода, и этот срок придётся заполнить фрагментами из прошлого Шишликова, о котором в силу его общительности автору известно куда больше, чем о прошлом и настоящем Гали. Как ни интересна и симпатична Шишликову и автору сама Галя, остаётся лишь развести руками и следующую треть повествования посвятить осуждённому.

Мефистофель

Галине Сергеевне было всего восемь лет от роду, когда у Шишликова появился приятель из совершенно незнакомого ему мира. Познакомились они через одну экзальтированную театральную актрису из Приодессья. Дочь Шишликова и дочь актрисы были ровесницами и близкими подругами. Скромность одной и раскованность другой, как два пазла, дополняли друг друга, и из-за взаимной привязанности детей Шишликов незаметно вошёл в доверие и оказался поверенным актрисы во многих её романах. Общение с ней было лёгким, проникновенным и непритязательным. Ему невольно приходилось наблюдать за тем, как она ловко управляла полудюжиной ухажёров, то сталкивая их носами, то задвигая их, как надоевших кукол, в дальний ящик. На глазах Шишликова разыгрывались целые драмы с рогами, боданиями и бесконечными водевилями. На авансцене античные Элиасы сменяли малороссийских Вить, тех затмевали Чингисханы и зеленоглазые Мурады. Каждый из них в фокусе актрисы выглядел яркой и неординарной личностью, и со многими из них Шишликов впоследствии заводил дружбу. Жизнь актрисы походила на танго. Она и была танцовщицей танго, менявшей партнёров как туфли. Шишликов, нянчась с обеими девочками, зарубил себе на носу никогда не влюбляться в танцовщиц.

Егор был на десяток лет старше Шишликова и появился на горизонте в качестве очередного ухажёра ветреной актрисы. Когда он только начал приударять за своей пассией, то принял Шишликова за соперника, но ему хватило пары встреч, чтобы понять, что Шишликов ему не конкурент. Ещё пару месяцев хватило Егору, чтобы самому потерять интерес к «танцу вампиров». Из категории женихов он добровольно перекочевал в категорию друзей актрисы и оказался в одной лодке с Шишликовым. Беглое знакомство за пару лет переросло в тесную дружбу.

Особенной чертой в облике Егора были острый нос и такой же острый подбородок. Глубоко посаженные орлиные глаза были пронзительны и с хитрецей. С хитрецей, для Шишликова совершенно безобидной: устремления Егора при всей приземлённости его быта простирались в настолько неземную плоскость, что сразу внушали Шишликову доверие: делить друзьям на Земле было абсолютно нечего. Ещё Егор любил женскую красоту. По-настоящему: не жадно, а обходительно и внимательно. Ещё кухарить. Ещё чистоту, порядок, нарды, вино и природу. Главной его чертой была внимательность. Он замечал такие детали, которые от Шишликова ускользали. А ускользало от Шишликова многое: вкус еды, женские приёмы манипуляций, домашний комфорт, и Егор становился чуть ли не учителем в этом вопросе.

– Запомни: порядок в доме наводится один раз. А потом он только поддерживается! – говаривал Егор, когда Шишликов оказывался в очередном его пристанище.

– Мне некогда: я редко дома бываю.

– Именно поэтому ты дома редко бываешь. Было бы у тебя уютно, ты бы дома сидел. А притчи твои я девчонкам дал почитать. И Эллен твоя красивая. Повезло тебе с ней.

Временное жильё человека без прописки было идеально вылизанным и обжитым: на полу лоснилась шкура медведя, на комодке игрались аквариумные рыбки, а с кухни доносился запах укропа и жареной картошки. Когда и как успевал обустроиться Егор с мизерным бюджетом на новом месте, было для Шишликова загадкой. Да и сам Егор оставался загадкой. Чёрная шевелюра больше походила на шерсть, чем на волосы, а маленькая козлиная бородка вообще превращала его в что-то среднее между Иоанном Грозным и Мефистофелем. Он и сам себя порой признавал чёртом. На нелегальном положении он перепробовал много разных профессий от моряка на рыбацком траулере до уборщика в борделе. И во время описываемых событий он был уборщиком в борделе. Как он там оказался – совсем другая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.